

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

Степанова Марина Александровна

**СОБЫТИЙНЫЕ ИМЕНА:
ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОФИЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА
на материале английского языка**

Монография

**Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2018**

ББК 81.432.1-51

С 79

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» *К.А. Слуцкая;*

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков
и лингводидактики Педагогического института
ФГБОУ «Иркутский государственный университет» *С.Ю. Богданова*

Степанова, М.А.

**С 79 Событийные имена: организация и профилирование
дискурса (на материале английского языка):** Монография. –
Нижевартовск: Издательство НВГУ, 2018. – 138 с.

ISBN 978-5-00047-446-4

В исследовании рассматриваются логико-эпистемические и когнитивно-психологические концепции понятия «событие», определяется статус событийных имен как когнитивно-дискурсивных образований, анализируются современные трактовки комплексного понятия «дискурс», изучаются структурные характеристики новостного дискурса. Основной фокус внимания сосредоточен на изучении особенностей функционирования событийных имен в качестве средства организации новостного дискурса современных масс-медиа. В отдельных разделах монографии рассматриваются такие аспекты, как презентация события, оценка события, связность дискурса на уровне пространственно-временной и персонально-референтной макроструктур. Событийные имена изучаются как средства профилирования новостного медиадискурса.

Монография предназначена для использования специалистами в области теоретической и прикладной лингвистики, журналистики, PR-технологий, может быть интересна широкому кругу исследователей и специалистов-практиков как с точки зрения изучения фундаментальных вопросов теории языка, так и с точки зрения технологии построения актуальных текстов, в том числе так называемых «манипулятивных текстов» и «текстов влияния».

ББК 81.432.1-51

ISBN 978-5-00047-446-4

© Степанова М.А., 2018

© Издательство НВГУ, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. СОБЫТИЙНЫЕ ИМЕНА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ	7
1.1. Понятие «событие» в логико-философской и лингвистической трактовке	7
1.1.1. Событие в логико-эпистемическом и когнитивно-психологическом понимании	7
1.1.2. Соотношение понятий «событие» и «текст»	20
1.2. Статус событийных имен как когнитивно-дискурсивных образований	28
1.2.1. О когнитивном подходе к рассмотрению частей речи	28
1.2.2. Критерии выделения и построения типологии событийных имен	33
1.3. О современной трактовке понятия «дискурс»	47
Выводы по главе 1	53
Глава 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОБЫТИЙНЫХ ИМЕН В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА	55
2.1. Структура новостного дискурса	55
2.2. Стратегии построения новостного дискурса	57
2.2.1. Презентация события	57
2.2.2. Оценка события: взаимовлияние новостного и политического дискурсов	71
2.2.3. Связность дискурса на уровне пространственно-временной макроструктуры	87
2.2.4. Персонально-референтная макроструктура новостного дискурса	96
2.2.5. Событийные имена как средства профилирования дискурса	105
Выводы по главе 2	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	115
БИБЛИОГРАФИЯ	119

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография предназначена для использования специалистами в области теоретической и прикладной лингвистики, журналистики, PR-технологий. Работа может быть интересна и с точки зрения исследования фундаментальных вопросов теории языка, и с точки зрения практики и технологии построения актуальных текстов, в том числе так называемых «манипулятивных текстов» и «текстов влияния».

В настоящей работе исследуются проблемы функционирования событийных имен существительных в развертывающемся дискурсе. Являясь одним из наиболее описанных классов слов, имена существительные, тем не менее, продолжают привлекать внимание исследователей. По мере трансформации взглядов ученых на природу частей речи в целом менялся и ракурс исследования имени существительного. Каждая новая эпоха, каждая новая научная парадигма приносила новые достижения в разработку теории частей речи, которая и поныне остается предметом острых споров языковедов.

Введение в семиотическую диаду «знак – предмет» нового понятия «интерпретант» предопределило появление нового научного подхода в исследовании языковых фактов – когнитивного подхода, в рамках которого всякое явление языка рассматривается как отражение соответствующих когнитивных структур человеческого сознания. В целом современная лингвистическая наука характеризуется полипарадигматизмом, то есть одновременным сосуществованием и взаиморазвитием нескольких парадигм знания, среди которых, наряду с когнитивной, ведущими признаются также коммуникативная и прагматическая.

Переход к новому этапу в исследовании языка вызвал развитие новой методологической базы для исследования частей речи, которая объединила основные положения двух ведущих научных парадигм – когнитивной и коммуникативной. С позиций данной концепции части речи рассматриваются как *когнитивно-дискурсивные* образования, то есть как номинативные классы, закрепляющие в актах номинации разные структуры сознания и вызывающие разные представления, разные типы репрезентации при их использовании в речи [Кубрякова 1990, 1992, 1997].

Таким образом, основной целью данной работы является определение и описание роли и места событийных имен существительных в развертывающемся дискурсе, а также выявление тех условий дискурса, в которых данные единицы оказываются абсолютно необходимым и приемлемым способом «упаковки» знания.

Выбор событийных имен существительных в качестве объекта исследования определился актуальностью и перспективностью обращения к изучению лингвистических способов отражения события, так как общее смещение фокуса внимания научной мысли от изучения предметно-пространственных отношений между объектами в сторону исследования событийно-временных отношений дает возможность более глубокого и детального осмысления и понимания как самой реальности, так и механизмов отражения ее в нашем сознании.

При написании данной работы была использована комплексная методика исследования. Набор методов и процедур определяется конкретными задачами каждого отдельного этапа исследования. Основным методом является семантическая интерпретация лингвистических фактов, для осуществления которой используется метод ступенчатой идентификации, а также элементы компонентного и контекстуально-семантического анализа, конструируется общая модель структуры новостного дискурса.

Основная цель, задачи и специфика исследуемого материала определили структуру данной работы, которая состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

В первой главе дается определение понятия «событие»; описываются основные критерии, позволяющие присвоить некоторой лексической единице статус событийного имени; анализируются основные понятия и посылки когнитивно-дискурсивного подхода к изучению частей речи в целом и событийных имен существительных в частности; теоретически обосновывается необходимость изучения дискурсоорганизующих функций событийных имен на материале новостного дискурса масс-медиа.

Во второй главе исследуются дискурсоорганизующие функции событийных имен при построении новостного дискурса современных масс-медиа, анализируется роль событийных имен в обеспечении когерентности всех элементов дискурса, в связи с чем выстраивается основная модель развертывания новостного

дискурса и определяется значимость событийных имен как средства, сводящего воедино лингвистическую и экстралингвистическую плоскости дискурса.

Модели и методики анализа материала были апробированы в рамках научных и научно-практических конференций и форумов различного уровня: III Международной научной конференции «Речевая коммуникация в современной России» (Омск, 2013 г.), Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (Екатеринбург, 2013 г.), Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра: Медиатекст в прагматическом, риторическом и лингво-культурологическом аспектах» (Москва 2012 г., 2014 г.), VIII Конвенте Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления» (Москва, 2014 г.), IV Всероссийской научно-практической конференции «Культура, наука, образование: проблемы и перспективы» (Нижевартовск, 2015 г.), Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2014 г.; Санкт-Петербург, 2015 г.).

Автор выражает сердечную благодарность своему научному руководителю доктору филологических наук, профессору Любови Александровне Козловой.

Глава 1. СОБЫТИЙНЫЕ ИМЕНА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

1.1. Понятие «событие» в логико-философской и лингвистической трактовке

1.1.1. Событие в логико-эпистемическом и когнитивно-психологическом понимании

Начиная разговор о событийных именах, следует, прежде всего, определить значение термина «событие», выявить признаки, позволяющие причислять явление к классу событий, поскольку представляется невозможным произвести типологию событийных имен и рассматривать дискурсоорганизующие функции этой группы имен существительных без глубокого и обстоятельного анализа самого понятия «событие».

Интерпретация понятия «событие» далеко неоднозначна, поскольку категория «событие» оказывается фундаментальной для многих областей знания. Онтология событий важна для целого ряда дисциплин, таких как, например, философия, логика, юриспруденция, в поле зрения которых оказываются вопросы, так или иначе связанные с решением проблем определения статуса события.

Во второй половине XX в. динамика происходящего стала центральным предметом изучения как в естественных, так и в гуманитарных сферах знания, и, как следствие, фокус внимания науки был смещен от изучения пространственных отношений между объектами в сторону исследования событийно-временных отношений, поскольку именно такой ракурс рассмотрения дает возможность более глубокого и детального осмысления и понимания как самой реальности, так и механизмов отражения ее в нашем сознании. Показательно в этом отношении включение В.П. Рудневым в свой «Энциклопедический словарь культуры XX века» статьи «Событие» [Руднев 1999: 284–286], что лишний раз подчеркивает, насколько пристальным было внимание к данному понятию в прошлом веке.

В собственно лингвистических исследованиях существует множество трактовок понятия «событие». Используя данный термин в широком значении, под ним понимают все, что случается, происходит и имеет место в *мире*, событие понимается как

«нечто, что *происходит/случается*: нечто, что кто-то делает (действие), или нечто, что происходит с кем-то/чем-то (изменение состояния)» [“something that *happens* – either something someone does (an action) or something that happens to someone or something (a change of state)”] [Chafe 1994: 66] (перевод наш. – М.С.). При таком понимании **события** противопоставляются **фактам и позициям** как «явлениям ментальной и эмоциональной сферы» [Булыгина, Шмелев 1992: 108].

По определению В.З. Демьянкова [Демьянков 1983: 321], в этом случае термин «событие» означает собственно событие /**референтное событие**/, аналогом которого является «конкретный референт (экстенционал) имени, т.е. конкретный объект, занимающий конкретное положение в пространстве и времени» (объединяя полюсные концепты события и объекта, В.З. Демьянков основывается на мнении Б. Рассела [Russell 1956], считавшего, что мир состоит не из субстанций, а из событий, и что объекты есть некие структурированные единства, занимающие определенные области в пространстве и времени).

Противопоставление **события** и **факта** является своего рода логико-философской традицией. Н.Д. Арутюнова в своей обобщающей работе 1998 г. (см. часть V, главы 9–11), сопоставляя категории события и факта, приходит к заключению, что связь между ними имеет глубокие когнитивные основания и раскрывается, например, в существовании контекстов, где оба имени – событие и факт – могут быть взаимозаменяемы. Однако при всей своей взаимосвязи событие и факт, по мнению автора, существуют в совершенно разных сферах: факт – явление когнитивной сферы, а событие признается неотъемлемой частью реальности: «став истинным и тем самым освободившись от своего автора, утверждение становится фактом, но не может обрести плоть и кровь, то есть превратиться в то событие, которому оно обязано своим существованием»; «утверждение может трансформироваться в факт, но ни утверждение, ни факт не могут превратиться в событие. <...> Событие ... принадлежит области реальности»; «можно быть свидетелем события, но нельзя быть свидетелем факта» [Арутюнова 1998: 504–505].

И поскольку факт признается существующим в координатах логического измерения, а не реальной действительности, то и

точкой отсчета для факта будет категория истинности/ложности: «Имя *факт* ориентировано на мир знания, то есть на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя *событие* ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени» (курсив автора. – М.С.) [Там же: 505]. Об этом же ранее писал Б. Рассел: «Факты есть то, что делает утверждения истинными или ложными» [Рассел 1957: 7].

Вопрос о соотношении категории события и категории факта продолжает и по сей день оставаться открытым. В этой связи безусловно интересны исследования последних лет, например, статья К.А. Переверзева, опубликованная в сборнике «Логический анализ языка. Языки пространств». По мнению автора, факты и события различаются в их отношении к своим «аргументам – возможным мирам», и «не бывает эпистемической реальности, которую нельзя осмыслить в терминах фактов», но случается так, что «эпистемическое пространство мира ... в ряде случаев недоукомплектовано признаками, релевантными для события» [Переверзев 2000: 263]. Возникает вопрос: какие же признаки будут являться «релевантными» для обозначения фрагмента реальности в терминах события?

Поскольку, как мы упоминали выше, при всей широте и многообразии подходов к изучению события основной фокус исследований долгое время концентрировался прежде всего на логико-философском аспекте данного понятия, следует признать, что установление логической структуры события и выделение в ней таких остевых компонентов, как время, пространство, изменение, участники, является заслугой именно логиков. Представителями Оксфордской школы [см., например, Davidson 1969, 1980; Kim 1976, 1979], к числу которых принадлежит и З. Вендлер, было сделано немало в отношении определения онтологии события.

Референтные события всегда существуют в координатах пространства и времени, ведь все существующее в объективном мире, согласно данным современной науки, обладает пространственно-временными характеристиками. Однако параметр времени и параметр пространства неравнозначны в отношении событий.

Так, З. Вендлер указывал, что события – это, прежде всего, временные сущности [Vendler 1967: 144]. Вероятно, в иерархии элементов, составляющих структуру события, при рассмотрении

его с логико-эпистемологической точки зрения, параметр временной отнесенности действительно будет одним из ведущих, поскольку, как отмечает в своем исследовании Н.Д. Арутюнова, некоторые события в определенном смысле вообще не имеют пространственной локализации и могут быть описаны лишь «в терминах их конфигурации на оси времени» [Арутюнова 1998: 508]. Именно такой тип событий рассматривает в своей работе Дж. Ким, разграничивая два события, которые описываются одной и той же логически эквивалентной пропозицией, на основании разной локализации: пространственно-временной и только временной (ср.: *Сократ умер и Ксантиппа овдовела*) [Kim 1969].

Поскольку время, как известно, является одной из важнейших и универсальных философских категорий, проблема соотношения времени и бытия и, в свою очередь, времени и события, не может быть решена однозначно. М. Хайдеггер, в философской концепции которого понятие «пространство-время» занимает одно из ведущих мест, размышляет о том, что всякая попытка осмыслить соотношение бытия и времени с помощью общезначимых и приблизительных представлений обречена на неудачу [Хайдеггер 1993: 41–62].

В.П. Руднев в своем диссертационном исследовании также связывает проблему события с неоднородностью понимания времени в XX в. Полемизируя с Л.С. Выготским, высказывавшим мнение о том, что хронологическая последовательность житейского события может быть условно обозначена в виде прямой линии, где каждый последующий момент сменяется предыдущим и в свою очередь сменяется дальнейшим [Выготский 1996], В.П. Руднев полагает, что «хронология – есть лишь частный случай описания системы событий. Система событий в целом задается господствующей в культуре моделью исторического времени (если таковое имеется) и каждый раз тем индивидом, кто описывает конкретную систему событий» [Руднев 1996: 44–45]. И даже собственная биография человека не будет представлять собой прямую линию, и лишь каждый раз – в зависимости от того, «в какую языковую игру он играет – заполняет ли он анкету, рассказывает ли о себе старому другу, с которым давно не виделся, или пишет мемуары» [Там же: 44], – некую последовательность фактов, которая не является инвариантом жизни этого человека.

Пространство и время, входя в число универсальных категорий, зачастую мыслятся как неразрывное целое, составляя единую категорию – «хронотоп» (термин введен М.М. Бахтиным [Бахтин 1996]). И несмотря на то, что понятие пространства по отношению к событию может быть не совсем определенным, все же согласимся с тем, что пространственно-временной компонент следует рассматривать в качестве одного из ведущих элементов в структуре события.

Однако, говоря о категории «событие», нельзя не уточнить, и это отмечается многими исследователями, что основная локализация событий определяется вовсе не пространственно-временным параметром, а тем, что события всегда мыслятся происходящими в жизни людей, социума.

Таким образом, событие обладает «тройкой локализацией»: 1) в некоторой человеческой (индивидуальной или социальной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит; 2) в реальном времени и 3) реальном пространстве. Хотя при этом отмечается [см., например, Арутюнова 1998: 509–511], что человек не может вершить или планировать события, он лишь совершает определенные действия, поступки, которые могут стать или не стать событиями. Событием же, в свою очередь, признается то, что имеет последствия в дальнейшей жизни человека, социальной группы, этноса или всего человечества, т.е. в данной концепции категория события носит консеквентное ограничение.

То же встречаем в трактовке события В.П. Рудневым, который для признания события таковым полагает обязательным существование двух признаков. Один из них – консеквентность, т.е. присутствие хотя бы некоторой минимальной социальной значимости, второй – засвидетельствованность, т.е. наличие словесного отображения [Руднев 1999].

Подобную мысль высказывает и К.А. Переверзев: «...чтобы событие “состоялось”, его нужно *наблюдать, идентифицировать, типизировать* лексическими средствами языка» (курсив автора. – М.С.) [Переверзев 2000: 265]. Однако следует заметить, что, по мнению автора, не-наблюдаемость события вовсе не означает лишение события его позитивного содержания, поскольку о событиях можно судить не только по их непосредственным

(позитивным) проявлениям. При отсутствии позитивных свидетельств приметами событий становятся их причины-следствия: «Если мы в какой-то момент обнаруживаем отсутствие события, появление которого предопределено логикой вещей, то сама по себе эта информация стимулирует наше обращение к событийным смыслам. Помещенная в “зримый” контекст, отрицательная информация получает положительное языковое оформление» [Там же]. Неслучайно поэтому существование в языке у отрицательных предикатов лексикализованных позитивных (контекстных) синонимов (ср. *не сказать* и *смолчать*, *не вспомнить* и *забыть*, *не заметить* и *пропустить*).

Таким образом, даже отрицательные признаки не лишают событие как онтологическую единицу его остевых характеристик: пространственно-временной локализации и наличия участников. При этом некоторыми авторами наличие участников определяется не только как необходимый и обязательный компонент структуры события, но и как ведущий элемент в структуре этого понятия. Например, В.Я. Шабес выделяет в качестве основных содержательных признаков события «деятели» и «действие», которые рассматриваются автором как двуединство [Шабес 1989: 16]. Отметим, что данная концепция, построенная в русле психолингвистики, отличается нетривиальностью подхода к исследованию понятия «событие» и заслуживает более детального рассмотрения.

Примечательно, что В.Я. Шабес строит свою концепцию на различении понятий *сцена* и *событие*, которые соотносятся между собой подобно понятиям *образа* и *концепта*. **Сцену** (и образ) автор определяет как единицу уровня представления, наделяя ее признаками интегрированности, конкретности, уникальности, вследствие чего она может считаться «подлинно денотативной единицей». **Событие** же (и концепт) как таковое автор относит к единицам понятийного уровня, считая, что событие является когнитивно-семантической структурой, и, как всякая абстракция, «формируется на базе ряда однородных сцен, имеющих совпадающие общие и существенные признаки», исходя из чего собственно событие трактуется как «отраженная в сознании цельная динамическая система взаимосвязанных общих и существенных параметров (признаков) некоторого однородного класса сцен» [Там же: 14–20]. Таким образом, событие понимается как

тривиальный инвариант, а сцена – как уникальный вариант данного инварианта.

Введение данного разграничения позволяет автору разрешить проблему единичности и всеобщности и сделать ряд интересных выводов. Например, опираясь на модель события как некоего когнитивного инварианта при рассмотрении примера описания события в художественном тексте, В.Я. Шабес приходит к выводу, что текст сам по себе не способен передать информацию уровня сцен и образов, и читатель всякий раз на основе индивидуальных представлений дополняет получаемую «полусцену-полусобытие» и выстраивает собственную сцену [Там же: 149].

Проведя серию психолингвистических экспериментов, направленных на выявление обыденного представления о событии, его признаках и компонентах, В.Я. Шабес приходит к заключению, что в предметном аспекте (автор выделяет также ментальный и информационный) модель события может быть представлена в виде триединства как реализация ряда микрособытий: событию предшествует некоторое другое событие, его следствием также может быть некоторое другое событие (Пресобытие – Эндособытие – Постсобытие). Собственно событие (соответствует Эндособытию) в данной концепции также представлено в виде единства трех компонентов: Потенциал – Реализация – Результат, т.е. событие предстает как развернутая во времени упорядоченная деятельность, которая направлена на достижение какой-либо цели [Шабес 1989: 130 и далее].

Таким образом, анализ понятия «событие» с позиций логики, философии и психолингвистики позволяет определить его как многомерную динамическую единицу отражения в сознании некоторого **изменения**, произведенного **деятелем** в **пространстве** и **времени**, что в свою очередь дает возможность утверждать: для онтологии события безусловно важны именно данные признаки:

- наличие пространственно-временного компонента;
- наличие участников;
- присутствие изменения.

Соотнесение упорядоченного множества участников и обстоятельств события возможно с понятием «статичная ситуация» (состояние). Определение «статичная» использовано не случайно,

т.к. следует уточнить, что само понятие «**ситуация**» многими исследователями употребляется в качестве синонима термина «событие» [см., например: Гак 1998: 335], а вместе с тем существует целый ряд классификаций, позволяющих разделить ситуации на подвиды, каждый из которых обладает своими свойствами.

В самом общем виде ситуации классифицируют на *статичные*, понимая их, как указано выше, и *динамичные*. Именно динамичные ситуации, т.е. **изменение** состояний через проявление объектом некоторого свойства во времени либо через изменение количества или качества объектов, свойств и отношений, могут выступать синонимами понятия «событие», поскольку событие возможно определить как любое **изменение состояния**, что, в свою очередь, включает в себя понятие отрицания. Так, Г.Ф. фон Райт определяет событие как отношение между двумя состояниями дел определенного вида, а именно последующее состояние является отрицанием предыдущего [Wright 1968].

Изменение как признак события характеризуется разнонаправленностью, поскольку, во-первых, в отличие от, например, пространственно-временного компонента с присущей ему в некотором роде автономностью, присутствие изменения может быть обнаружено только посредством сравнения наличного состояния других компонентов, входящих в структуру события, относительно их состояния в некоторой начальной точке отсчета (ср., например, концепцию изменения через сличение пространственно-временных позиций объекта в работе Verkuyl, Zwarts 1992 и концепцию, представленную в работе Voorst 1988, 1993, где изменение рассматривается с позиции субъекта и объекта). Во-вторых, любое изменение, которое возможно рассматривать как с точки зрения преобразования отдельных компонентов, так и ситуации в целом, может иметь разные векторы направленности: *изнутри* (переконфигурация качественных или количественных характеристик объектов, их связей и отношений внутри самого события) или *извне* (само событие есть результат изменения).

Говоря о существующем в научных исследованиях противопоставлении категорий события и факта, события и ситуации, приходится признать, что для выявления содержания категории события необходимо не только определить структуру события как онтологической единицы в его противопоставлении факту

как явлению ментальной сферы, но также разграничить понятия «событие» и «процесс», «событие» и «действие», поскольку многими исследователями признается, что эти понятия действительно обладают рядом общих признаков и свойств, однако при всей своей «соположенности» имеют и весьма существенные отличия.

Большинство исследователей, пытаясь определить границы понятия «событие», приходят к выводу, что понятия «событие», «процесс» и «действие» связаны между собой онтологически, по самой своей природе, и, как следствие, устанавливая статус события, считают возможным давать дефиниции понятия события как через понятие процесса, так и через понятие действия. Назовем несколько подобных работ.

Т. ван Дейк затрагивает вопрос о соотношении понятий «событие», «процесс» и «действие» в связи с рассмотрением теории деятельности и дает определение события сразу по двум направлениям: 1) давая дефиницию кардинального для теории деятельности понятия «действие», он определяет его следующим образом: «Действие – это событие, осуществляемое человеком»; 2) говоря о соотношении понятий «событие» и «процесс», Т. ван Дейк отмечает, что, обозначая что-либо через понятие процесса, мы концентрируем внимание скорее на характеристиках изменения, а не на различении начального и конечного моментов, как только же эти два момента фиксируются, следует, по всей вероятности, говорить уже о событии, т.е. событие представляет собой дискретный процесс (часть процесса), в котором фиксируется не только характер изменения, но и начальное и конечное состояния [Dijk van 1980].

Об объективной трудности разграничения понятий «событие», «процесс», «действие» говорится и в работах, посвященных анализу предикатов. На отсутствие жестких границ между перечисленными понятиями, а следовательно, и жесткого отличия в характере языкового оформления при описании соответствующих им реалий объективной действительности, указывает тщательный анализ языкового материала, который провели в своих исследованиях по семантике предикатов Т.В. Булыгина [Булыгина 1982] и О.Н. Селиверстова [Селиверстова 1982]. Так, О.Н. Селиверстова трактует событие как мгновенный процесс или мгновенное

действие, в целом же определяя процессы и действия как «пофазно существующие объекты». Т.В. Булыгина отмечает, что события зачастую ассоциируются с процессами и действиями, рассматриваясь как результат процессов или действий.

И.В. Якушева, выдвигая гипотезу о существовании категории «событийность» и вычлняя в качестве составной части данной категории субкатегорию «событие», полагает, что фактически событие не существует как нечто отдельное и автономное, но является представленным в виде концептуальной сети, включающей помимо прочих понятия действия и процесса [Якушева 1984: 10], и может быть определено как максимально обобщенное понятие, содержащее внутри себя в «свернутом» виде концепты «процесс», «действие», «пространство», «время», «изменение» [Там же: 24].

К числу признаков, объединяющих понятия события, процесса и действия относят также:

- их динамический характер, вследствие чего языковое обозначение этих понятий находится в зависимости от предикатной лексики;

- их способность описываться полными (событийными) номинализациями, что в свою очередь противопоставляет все три понятия фактам, которые описываются пропозитивными (неполными) номинализациями [см., например, Вендлер 1986, Bierwisch 1989, Dretske 1979, Kim 1979, Арутюнова 1998].

При наличии таких существенных общих элементов понятия «событие», «процесс» и «действие» имеют не менее основополагающие различия, позволяющие более или менее четко отграничивать области применения каждого из них.

Большинство исследователей разделяют процессы и события на основании оппозиции «длительность/результативность». События – в отличие от процессов (и состояний), каждый момент существования которых идентичен предыдущему и последующему, – неоднородны и включают в себя граничные точки времени [Koenig, Traugott 1982] (ср. с приведенным выше определением события через понятие процесса, данным Т. ван Дейком). Вероятно, именно оппозиция «ограниченность/неограниченность» в данном случае является определяющей при выборе способа обозначения референтного события.

Л. Талми в своей работе «Отношение грамматики к познанию» [Талми 1999: 88–96], объединяя результаты исследования областей пространства и времени, выделяет *категорию ограниченности*, двумя основными членами которой являются понятия ограниченности и неограниченности. В этом случае величина, характеризующаяся как неограниченная, понимается как сколь угодно долго продолжающаяся, так как внутренне ей не присуще свойство конечности во времени/пространстве. Если же величину характеризуют как ограниченную, то она представляется в качестве обособленной единичной сущности.

С точки зрения категории ограниченности, процессы противостоят событиям подобно тому, как неисчисляемые сущности противостоят отдельным предметам, о чем свидетельствует наличие у событий свойства квантифицируемости.

Такое противопоставление процессов и событий на основании наличия/отсутствия фактора протяженности, длительности во времени принимается многими исследователями, однако здесь следует отметить несколько случаев, выходящих за пределы данных жестких рамок.

Во-первых, некоторое несоответствие наблюдается в отношении перформативов, с которыми Ю.Д. Апресян связал «парадокс точно-длительного вида» [Апресян 1986]. Перформативы (*обещаю, прошу* и т.д.), как известно, есть некоторый речевой акт и, таким образом, они имеют определенную длительность во времени, но событие, совершаемое при помощи такого перформативного акта, представляется точечным.

Во-вторых, существует расхождение в восприятии объективной длительности референтного события и его когнитивного «перевоплощения». Так, например, ядерный взрыв интерпретируется как моментальное событие, в то время как броуновское движение молекул – как процесс, хотя, безусловно, в реальном времени длительность этих событий различается с точностью до наоборот.

Для разграничения понятий «событие», «процесс» и «действие» существенным становится также фактор акцентирования при их обозначении той или иной участвующей стороны:

- для действия – наличие активного субъекта действия (агенса);

- для процесса – указание на объект, который подвергается изменению (пациент);
- для события существенным является как указание на субъект, так и указание на объект действия/изменения.

При всей упомянутой выше разнице понятий «процесс», «действие» и «событие», приходится все же признать, что определение онтологии события невозможно без указания на сложную взаимосвязь между всеми тремя понятиями. Существование данной взаимосвязи доказывается помимо тех фактов, что уже приводились выше, также наличием между этими понятиями еще одной плоскости пересечения: событие как таковое и процесс как результат когнитивного акцентирования временных параметров события – его длительности – могут классифицироваться по единому основанию, а именно с позиции их контролируемости/неконтролируемости.

Если процесс рассматривается с точки зрения его контролируемости, т.е. с точки зрения наличия действующего лица, обладающего свободной волей, позволяющей ему контролировать в той или иной степени свои действия, то при наличии такого агенса процесс именуется **деятельностью/activity**. В том случае, если акцентирование временного параметра события не столь существенно, оппозиция «контролируемость – неконтролируемость» события проявляется в различении, например, понятий «**поступок/deed**» vs. «**происшествие/accident, incident**».

В этой связи хотелось бы отметить, что употребление всех этих формулировок при описании события возможно лишь в том случае, если событие уже имело место. Иначе событие может существовать только в нашем воображении как план, замысел, и с полной достоверностью нельзя сказать, как данное событие будет разворачиваться, и в какой степени оно будет контролироваться его участниками.

Интересно, что употребление понятия «**действие/action**» в отличие от понятий «поступок/deed», «происшествие/incident, accident» не подчиняется необходимости обязательного альтернативного выбора одного из членов оппозиции «контролируемость – неконтролируемость», а также не подвержено влиянию временного аспекта и может быть использовано для обозначения как

уже имевших место событий, так и событий, которые, возможно, произойдут в будущем.

Суммируя сказанное выше, еще раз подчеркнем, что, несмотря на существование целого ряда признаков, как то:

- длительность/ограниченность,
- мгновенность/пофазность существования,
- присутствие и степень активности субъекта,
- степень контролируемости со стороны субъекта,

которые позволяют классифицировать явление как событие, либо процесс, либо действие, между этими понятиями, онтологически тесно связанными, нет и, по-видимому, не может быть абсолютно жестких границ, что в свою очередь должно отражаться, по всей вероятности, и на существовании объективной трудности разграничения соответствующих средств языкового обозначения данных понятий.

Таким образом, анализ характеристик события как онтологической данности через контрастивное сопоставление его с категорией факта и понятиями «ситуация», «процесс» и «действие» позволяет определить событие как *многомерное динамическое явление, представляющее собой личностно или социально значимое изменение состояния через проявление объектом некоторого своего свойства во времени и пространстве, либо через изменение количества или качества объектов, их свойств и отношений.*

Такое понимание онтологической структуры события позволяет говорить о возможном моделировании события, точнее, его типового инварианта [см., например, Якушева 1983, 1984б; Talmy 1991]. Одна из подобных моделей, представленная в общепринятых обозначениях, выглядит следующим образом:

$$e = S [L (Ag Ch Pat) t]$$

(событие [e] представляет собой конгломерат, неотъемлемыми компонентами которого являются познающий субъект [S], оценивающий взаимодействие агенса [Ag] и пациенса [Pat], приводящее к некоему изменению [Ch] в определенных пространственно-временных рамках [L; t]).

Данная модель есть универсальное описание любого явления реального мира, которое подпадает под квалифицирование его

как события, однако характеристика понятия «событие» была бы не полной, если бы мы в нашем исследовании не указали также на существование таких точек зрения, когда событие мыслится не просто как целостный фрагмент объективной действительности, а как нечто, не существующее вне речи и мысли, как нечто, создаваемое единственно посредством интерпретации предложения или текста.

1.1.2. Соотношение понятий «событие» и «текст»

Действительно, трактуя понятие «событие», философы и лингвисты приходят к выводу, что эта категория должна рассматриваться как единый комплекс, включающий в себя не только понимание события как онтологической единицы, т.е. как собственно референтного события, но и те аспекты этого феномена, которые выявляются при сопоставлении категорий «событие» и «текст», поскольку, как мы отмечали в предыдущем параграфе, одним из признаков, позволяющих отнести явление к классу событий, является наличие его словесного отображения [Руднев 1999], а также идентификация и типизация его с помощью лексических средств языка [Переверзев 2000: 265].

В исследованиях, посвященных развернутому анализу взаимоотношений категории события и категории текста, можно выделить три основных варианта взаимодействия события и текста.

Первый вариант: события, существуя в *объективной реальности*, независимо от нашего сознания, *описываются, т.е. характеризуются, идентифицируются, типизируются посредством языковой формы*. В этом случае мы имеем дело с референтными событиями, о чем говорилось выше, и референтной функцией языка.

Второй вариант: события следует рассматривать не как феномен объективной реальности, а как нечто, не существующее вне речи и мысли, как *нечто, создаваемое единственно посредством интерпретации предложения или текста*. И тогда события следует уподоблять не реальным объектам, занимающим вполне конкретное положение в пространстве и времени, а, по определению П. Хэккера, их «теньям» [Hacker 1982].

Так, две неидентичных **идеи-события** (термин В.З. Демьянкова) могут описывать действия, происходящие параллельно в одном и

том же пространстве-времени, при этом накладываясь друг на друга, но не совмещаясь, например, рассказывая поучительную историю, мы одновременно повествуем и изучаем, т.е. разные идеи-события могут соответствовать одному референтному событию, рассматриваемому с разных точек зрения. Аналогом же идеи-события можно считать интенционал имени или дескрипции.

Соотносительна в этом плане мысль Н.Д. Арутюновой, которая полагает, что событие наделено признаком **функциональности**, т.е. «осуществляя одну и ту же акцию, можно быть участником разных событий» [Арутюнова 1998: 512], и такое «умножение событий» происходит вследствие:

- распределения их «по разным жизненным сферам»;
- выполнения в одной сфере разных функций;
- отнесенности к разным аспектам происходящего.

Таким образом, событие становится таковым в результате выполнения определенной функции в жизни отдельного индивида или общества в целом, вернее, мы *понимаем*, что происходящее несет на себе определенную функцию, мы *приписываем* ему эту функцию.

Рассматриваемое под таким углом зрения событие в некотором роде соотносится с понятием пропозиции, однако не совсем совпадает с ним, поскольку, как указывает В.З. Демьянков, идея-событие включает в себя также пропозициональную установку. Идею-событие нельзя отождествлять с пропозицией и по той причине, что, как отмечает Дж. Ким [Kim 1969], принцип логической эквивалентности пропозиций не является достаточным для идентифицирования описываемого ими события, поскольку при этом не учитываются многие факторы, такие как, например: разная локализация, мотивы, причины происходящего.

Таким образом, понятие «событие» включает в себя, казалось бы, две противоположные точки зрения, однако именно это понимание события соответствует реальному положению вещей. В объективном, существующем независимо от нашего сознания мире, в конкретных пространственно-временных рамках происходит нечто, но мы, узнавая об этом «нечто» сами или передавая о нем информацию другому лицу, всегда так или иначе интерпретируем это объективное событие, пропуская его через наше

сознание, и неизбежно делаем реально существующее событие частью своего Я, а значит, придаем ему оттенок субъективности.

Неслучайно поэтому в связи с определением статуса события возникает проблема достоверности и неполноты знания. Неполнота знания – вот что, по мнению В.П. Руднева, приводит к тому, что одно и то же событие может истолковываться и интерпретироваться как подчас противоположные явления, в зависимости от того, кем воспринимается это событие: «Убийство по-разному воспринимается убийцей, сообщником, родственниками жертвы, прокурором и защитником» [Руднев 1996а: 43].

Характеризуя событие с логико-эпистемических позиций и акцентируя внимание на том, что изучение структуры понятия события долгое время оставалось прерогативой логики и философии, все же не следует отдавать пальму первенства в исследовании данного феномена только этим двум дисциплинам, поскольку выделение таких понятий, как **«сюжетное событие»**, **«фабульное событие»**, **«текстовое событие»**, анализ которых позволяет глубже и полнее осмыслить суть понятия события вообще, безусловно, было и остается заслугой филологов. Ведь «чем более поведение человека приобретает черты свободы по отношению к автоматизму генетических программ, тем важнее ему строить сюжеты событий и поведений», и именно благодаря умению создавать сюжетные тексты «человек научился различать сюжеты в жизни и, таким образом, истолковывать себе эту жизнь» [Лотман 1992: 242].

Таким образом, помимо разграничения собственно событий /референтных событий/ и идей-событий, необходимо указать на существование еще одной «границы» понятия события, непосредственно связанной с категорией текста и дискурса. В качестве третьей разновидности внутри понятия события наряду с собственно событием /референтным событием/ и идеей-событием выделяют также текстовое событие, частными случаями которого являются фабульное событие и сюжетное событие

Упоминание выше трех соположенных понятий – «сюжетное событие», «фабульное событие», «текстовое событие» – требует дальнейшего разъяснения их сути. Приходится признать, что в сравнении с объемом существующей специальной литературы по вопросу о рассмотрении категории события с логико-эпистемической

и когнитивно-психологической точек зрения количество работ, в которых более или менее эксплицитно раскрываются вышеперечисленные понятия, относительно невелико, поскольку, по признанию М.Я. Дымарского, филологи долгое время пользовались термином событие как «ясным аксиоматически» [Дымарский 2001: 173], поэтому в нашем дальнейшем анализе мы будем опираться на мнения достаточно ограниченного круга исследователей.

Прежде всего остановимся на определении понятий «фабульное событие» и «сюжетное событие», поскольку, говоря о соотношении категории события и текста, нельзя не отметить, что фабула и сюжет несомненно являются «прагма-феноменами художественного дискурса» [Руднев 1996: 41] (о соотношении категорий текста и дискурса мы будем говорить ниже).

Хотя, справедливости ради, следует признать, что существуют точки зрения, согласно которым фабула и сюжет не должны разграничиваться, так как, прежде всего, ряд сюжетов не сводим к единой фабуле (В.П. Руднев [Там же] приводит в пример известный рассказ Акутагавы «В чаше», где сюжет – а по сути рассказ, представляющий собой описание одного и того же события (убийство самурая), но разными персонажами (вдовой самурая, разбойником-убийцей и духом самого погибшего самурая) – не может быть сведен к простой хронологической последовательности). Тем не менее, в наших дальнейших рассуждениях мы будем придерживаться более общепринятой и традиционной точки зрения на противопоставление фабулы и сюжета.

М.Я. Дымарский в своей монографии, посвященной рассмотрению различных аспектов художественного текста и проблемам текстообразования, вслед за Л.С. Выготским определяет различия между фабулой и сюжетом эпического произведения как различия между «материей» и «формой» [Дымарский 2001: 178]. Фабула, в трактовке автора, – это «собственно преемственная последовательность существенных изменений данной исходной ситуации, лежащая в основе сюжета» [Там же], при этом каждое подобное изменение, по мнению исследователя, является фабульным событием. Сюжет же определяется как результат преобразования фабулы посредством композиции в ту последовательность, которая существует не в повествуемой «истории», а в тексте, и включает не только фабульные события, но и разнообразные

описания и детали, связанные с фабульными событиями отношениями мотивации.

В этом плане понимание фабульного события как представленного рядом сюжетных соотносимо с положением В.Я. Шабеса о представленности события рядом микрособытий. Фабульное событие, по мнению М.Я. Дымарского, сближается с понятием референтного события и по другим признакам:

1. качественной консеквентности, т.е. обязательного наличия последствий, существенно изменяющих «ход дальнейшей жизни»;
2. причастности к человеческой жизни;
3. функциональности.

Что касается признака консеквентности, то М.Я. Дымарский считает его обязательным атрибутом и сюжетного события, а также расширяет область применения понятия консеквентности по отношению к сюжетному событию через введение коррелирующей с данным признаком категории соотнесенности события с ожиданиями героя и совпадениями события с желаниями героя. Оппозиции «ожидаемость/неожиданность» и «желанность/нежеланность» отражаются в существовании четырех возможных вариантов разворачивания событий:

1. ожидаемость и желанность;
2. ожидаемость, но нежеланность;
3. неожиданность события, но совпадение его с желаниями героя;
4. неожиданность и несовпадение с желаниями героя [Там же: 183].

Интересно, однако, что присутствие признака консеквентности не является абсолютно точным индикатором наличия у произошедшего качества событийности. Нечто может характеризоваться как событие также в том случае, если это нечто, характеризующее малой степенью вероятности, все же произошло, хоть и не повлекло за собой сколько-нибудь существенных последствий. Фактор низкой степени вероятности даже при отсутствии признака консеквентности может возводить произошедшее в ранг события.

Тем не менее, признак консеквентности является существенным для тех сюжетных событий, которые могут рассматриваться как «антидействия» персонажей, т.е. ситуации, когда действующее

лицо не совершает некоторого предполагаемого действия, о котором, следовательно, ничего не сообщается и не может сообщаться. М.Я. Дымарский убедительно доказывает, что «нуль действий» может выступать сюжетным событием, которое в свою очередь самым прямым и непосредственным образом связано с фабулой произведения.

Заметим, однако, что автор в этом отношении противопоставляет сюжетное событие пониманию события в его логико-эпистемической трактовке, ссылаясь на мнение Н.Д. Арутюновой, согласно которому «субстратом события [референтного] может быть действие, процесс и т.д.» [Арутюнова 1998: 513], тогда как *сюжетное* событие, с учетом вышесказанного, может и не быть основано на субстрате действия или процесса. В то же время М.Я. Дымарский отсылает нас к еще одной работе Н.Д. Арутюновой, где рассматривается статус «не-произведения речевого действия», т.е. молчания, которое «в зависимости от контекста может быть приравнено к речевому акту или *форме поведения, к поступку*» [Арутюнова 1994] (курсив наш. – М.С.) (сходная мысль есть и в коллективной монографии [Номинализация... 1982], а также в работе К.А. Переверзева, которая упоминалась выше). На наш взгляд, такое определение некоторого «антидействия» не противоречит понятию референтного события в его понимании как онтологической единицы. Таким образом, еще раз подчеркнем, ненаблюдаемость события, которая, тем не менее, не противоречит отнесению его к классу таковых, возможна и в отношении референтных событий.

В отношении признака засвидетельствованности, непосредственным образом связанного с признаком наблюдаемости сюжетного события, отметим, что, аналогично признаку наблюдаемости, признак засвидетельствованности признается факультативным, т.е. сюжетное событие не обязательно должно быть кем-либо засвидетельствовано. И в этой связи представляется вполне обоснованным введение понятия «система отсчета», т.е. сюжетное событие способно приобретать качество событийности только в неких определенных рамках, в системе других событий (ср. также мысль В.П. Руднева: «Событие становится событием лишь в системе событий» [Руднев 1996: 44]).

Следовательно, сюжетное событие может быть или не быть засвидетельствовано в зависимости от того, известно ли герою о существовании других событий, связанных с данными причинно-следственными отношениями, или неизвестно, т.е. совпадет ли данное событие с его личной системой отсчета или нет.

Таким образом, сюжетное событие может характеризоваться следующими признаками:

- консеквентностью;
- соотнесенностью с ожиданиями и желаниями героя;
- степенью вероятности;
- наблюдаемостью;
- засвидетельствованностью.

В завершении анализа понятий «фабульное событие» и «сюжетное событие» повторимся: данные феномены следует рассматривать как частные случаи текстового события вообще, поскольку взаимоотношения категории события и категории текста не ограничиваются лишь сферой художественных произведений.

В свою очередь определение текстового события, данное В.З. Демьянковым (именно он ввел данное понятие в лингвистический обиход): «интерпретация отрезка текста в его контексте» [Демьянков 1983: 322], – требует некоторого разъяснения понятия «контекст», поскольку в современных исследованиях термин «контекст» трактуется весьма неоднозначно.

Вслед за Н.А. Шурыгиным мы считаем, что данный термин возможно определить как термин *межсистемного функционирования* [Шурыгин 1998], так как, по признанию многих исследователей [Арнольд 1990; Говердовский 1987], широкое понимание контекста включает описание явлений, относящихся к разным сферам знания и человеческой жизни.

В.И. Кодухов, например, выделяет следующие типы контекстов:

1. словесный (речевой) контекст; термин «контекст» употребляется в собственно лингвистическом, узком, значении (термин используется при исследовании явлений всех языковых уровней: фонологического, лексического, синтаксического);

2. речевая ситуация (конситуация), т.е. условия общения, обстановка, сопутствующая речевому акту, которые определяют выбор моделей построения речевого потока;

3. контекст культуры, охватывающий всю словесную и понятийную (экстралингвистические знания) культуру данного конкретного периода существования человеческой цивилизации [Кодухов 1973].

Широта значения термина «контекст», в свою очередь, определяет разновекторный характер отношений между понятиями «текст» и «контекст», что непосредственно касается проблемы текстового события.

Текст, который является целостной протяженностью, можно рассматривать как условия, иными словами, *контекст* актуализации его составляющих [Диалектика текста 1999: 6–8]. Как следствие, текст и контекст находится в отношениях симбиотической взаимозависимости: не существует текста, который бы не являлся условиями актуализации конституирующих его единиц, и, соответственно, каждый актуализируемый компонент текста обеспечивает его связность и целостность.

С другой стороны, целый ряд прагматических факторов выводит любой текст в широкое социально-культурное пространство, что обеспечивает существование каждого конкретного текста в сложном контексте других текстов и в целом в контексте культуры.

Одно из наиболее обобщенных определений понятия «контекст» приводится в работе М.Я. Блоха и Т.Н. Семеновой, где под контекстом понимается «некое речевое целое, конситуация, то есть сложное образование, представляющее собой конкретное воплощение общей модели коммуникации, включающее в свой состав говорящего и слушающего с присущими им индивидуальными и социальными свойствами, взаимоотношения между ними, обстановку и условия данного речевого акта, тему текста, его лингвистическую принадлежность и социальную детерминированность целей коммуникации» [Блох, Семенова 2001: 54].

Если принять данное определение контекста в качестве базового, оказывается, что термин «*текстовое* событие» не совсем адекватно отражает суть данного феномена. Трактовка текстового события как интерпретации фрагмента текста в его контексте переводит сферу существования текстового события из плоскости

текста в более широкую плоскость – плоскость дискурса, который в самом общем значении определяется формулой «текст + экстралингвистический контекст» [Шейгал 2001].

Таким образом, как показывает анализ многочисленных точек зрения, отраженных к настоящему времени в специальной литературе, событие представляет собой комплексное единство, каждая составляющая которого имеет собственные характерные признаки и свойства и может интерпретироваться с различных позиций. Все это находит свое отражение в неоднозначности решения проблемы о критериях выделения и построения типологии событийных имен, которые способны функционировать в качестве обозначения всех составляющих сложного единства, именуемого событием. В следующей части нашего исследования мы попытаемся осветить некоторые возможные пути решения данной проблемы.

1.2. Статус событийных имен как когнитивно-дискурсивных образований

1.2.1. О когнитивном подходе к рассмотрению частей речи

На особое положение имени существительного в иерархии частей речи указывают многие лингвисты, что объясняется не только ролью этого лексико-грамматического разряда в организации лексикона языка, но также тем фактом, что данная часть речи отличается чрезвычайным семантическим разнообразием конституирующих ее единиц. Неслучайно имя существительное долгое время привлекало пристальное внимание исследователей, но несмотря на то, что данная часть речи считается одной из наиболее изученных и детально описанных, в настоящее время исследование ее продолжается, теперь уже в рамках новой научной парадигмы, в рамках когнитивного подхода, основным положением которого служит тезис: всякое явление языка следует рассматривать как отражение соответствующих когнитивных структур [Филлмор 1981, 1983; Lakoff 1982, 1987; Langacker 1991; Talmy 1988].

Появление когнитивного направления стало результатом интеграции исследований в различных научных областях, в центре внимания которых находится человек и его деятельность, поэтому

основное значение когнитивного подхода заключается в его содействии раскрытию сущности человеческой природы в целом через обращение к рассмотрению с позиции когнитивной теории отдельных сфер его деятельности, в том числе и речевой.

По существу, современная лингвистика, как справедливо заметила Е.С. Кубрякова, характеризуется полипарадигматизмом, т.е. на современном этапе развития лингвистической науки наблюдается одновременное сосуществование и взаиморазвитие нескольких ведущих парадигм знания, и несмотря на все разнообразие ныне существующих течений и направлений, можно отметить явную тенденцию к слиянию различных парадигм в единую «метaparadигму», аккумулирующую достижения отдельных парадигм на основе общности их признаков [Кубрякова 1996; 2000a]. Ведущими же парадигмами, внесшими наибольший вклад в формирование новой метaparadигмы в последние десятилетия, признаются коммуникативная и прагматическая, а истоки слияния прагматических, коммуникативных и когнитивных исследований соотносят с введением Ч. Пирсом в качестве третьего члена семиотической диады «знак – предмет» понятия «интерпретант» [Заботкина 1997].

Переход к новому этапу в исследовании языка не мог не вызвать радикального пересмотра существовавших прежде точек зрения и на вопрос, остающийся в теории языкознания дискуссионным уже не первую тысячу лет, – на природу частей речи в целом и имен существительных в частности. Так, Е.С. Кубрякова, имя которой по праву связано со становлением и развитием новой отечественной школы лингвокогнитивных исследований, анализируя и высоко оценивая более ранние работы по описанию главных свойств частей речи, указывает на взаимосвязь функционально-семантических, функционально-морфологических и синтаксических характеристик лексико-грамматических классов слов, но, отмечая отсутствие между ними одно-однозначной корреляции, предлагает новую методологическую базу для описания частей речи [Кубрякова 1990, 1992, 1997].

В данной концепции автор, объединяя основные положения двух ведущих на нынешний момент парадигм – когнитивной и коммуникативной, рассматривает части речи с *когнитивно-дискурсивных* позиций, т.е. как номинативные классы, закрепляющие

в актах номинации разные структуры сознания и вызывающие разные представления, разные типы репрезентации при их использовании в речи.

Новая концепция стала органичным продолжением более ранних теорий. Понимание частей речи как когнитивно-дискурсивных образований обязано своими истоками теории рассмотрения частей речи с ономаσιологической точки зрения; именно тогда части речи впервые были определены как сущности, которые называют определенные фрагменты объективной реальности и «рождаются в актах коммуникации, возникают в недрах высказывания» [Кубрякова 1978: 36]. Подход к рассмотрению частей речи с когнитивно-дискурсивной точки зрения помогает описать части речи, с одной стороны, как сущности, которые объективируют и называют определенные когнитивные структуры (соответствующие фрагментам воспринятой действительности), а с другой – в плане выполняемых ими функций в развертывающемся дискурсе.

Именно когнитивный-дискурсивный подход, дающий возможность «выдвинуть определенные предположения о том, почему окружающий человека мир оказался увиденным, воспринятым и осмысленным в том, а не ином виде, – через сетку определенных координат, устанавливающих отличие объектов от процессов, процессов от признаков» [Кубрякова 1997: 46], представляет части речи в новом ракурсе, доказывает, что части речи как когнитивно-дискурсивные образования выполняют важнейшие функции как в когнитивной, так и в речевой деятельности человека.

Одним из исходных положений концепции Е.С. Кубряковой, помогающей классифицировать лексикон по частям речи, которые признаются автором «естественной категоризацией слов», является подход к частям речи как к прототипическим категориям.

Что касается класса имен существительных, то большинство специалистов сходятся во мнении, что внутри данной части речи, которая представляет собой прототипическую категорию, а следовательно, гетерогенное образование, также можно выделить единицы, относящиеся к центру категории, и единицы, принадлежащие маргинальным, периферийным, областям.

Е.С. Кубрякова высказывает мнение, что имя существительное в лучших своих образцах является языковой проекцией первичной

онтологической категории *объекта*, т.е. физического тела, сенсорно легко выделяемого в пространстве и при этом наделенного свойствами отдельности, целостности и тождества самому себе, и противопоставленного в данном пространстве другим телам [Кубрякова 1997: 74–75].

А. Вежбицкая полагает, что «эмпирически устанавливаемым лексическим универсалиям того типа, который традиционно связывается с “существительными”, соответствуют два слова: ЛЮДИ и ВЕЩИ» [Вежбицкая 1999: 141].

В этой связи заметим, что специалисты [см., например, Руденко 1990: 13–25] высказывают опасения относительно рассмотрения материального предмета (вещи) как наиболее типичного предмета, что потенциально содержит опасность отождествления тела с предметом вообще. В таком случае предмет трактуется лишь с точки зрения пространственного аспекта, т.е. как предмет будет определяться только нечто, имеющее достаточно устойчивые материальные границы и занимающее определенный объем в пространстве.

Однако класс имен существительных, будучи прототипической категорией, включает в себя не только имена, обозначающие онтологические предметы, но также имена предметов, представленных в качестве таковых лишь в познании, т.е. имена «гносеологических» предметов.

С точки зрения когнитивного подхода представление абстрактных имен как неполноценных или даже мнимых и исключение их из сферы «предметности», как то представлено, например, в логико-лингвистической концепции Т. Котарбиньского [Котарбиньский 1963], не является верным, поскольку существительное, по мнению Р. Лангакера, – это знаковая структура, обозначающая концепт «вещь» в его специфическом смысле, который может быть продемонстрирован только на уровне абстракции [Langacker 1991: 183 и далее]. Исходя из этого положения автор справедливо полагает, что референтами имен существительных являются не физические объекты реального мира, а когнитивные события, соответствующие их восприятию – выделению ограниченного фрагмента реальности в определенной области знания.

Неслучайно поэтому выделение событийных имен по семантическому признаку в отдельную группу. Все они, отражая понятие

события, тем самым представляют некоторый фрагмент картины мира – некое изменение, локализованное в определенных пространственно-временных рамках и имеющее последствия для конкретного индивидуума или общества в целом – как целостный объект.

Интересно в этом отношении мнение видных психологов Дж. Миллера и Ф. Джонсон-Лаэрда, которые считают, что несмотря на психологическую привлекательность мысли о соотносимости обозначения вещей с существительными, а обозначения событий – с глаголами, таких простых отношений между ними нет [Miller, Johnson-Laird 1976], а следовательно, должны существовать области пересечения, совмещающие данные полностью противопоставленные формы категоризации опыта. Именно к такой области, периферийной по отношению к ядру категории имен существительных, и относится группа событийных имен.

Действительно, языковой формой отражения события, как правило, выступают конструкции, в состав которых входит глагол или глагольные формы. В.Г. Гак, проводя типологический анализ лингвистических номинаций, одним из признаков событийной номинации считает ее внешнюю форму – представленность в предложении, именно поэтому, по мнению исследователя, к событийной номинации приложим термин «пропозитивная» [Гак 1998: 335].

Вероятно, следует считать уже традиционным отнесение событийных имен существительных к группе пропозитивной лексики и включение их в состав предикатных имен. А поскольку большинством исследователей событийные имена, в одном ряду с неличными формами глагола, рассматриваются с позиций их участия в процессе номинализации исходного предиката, неслучайно одним из критериев, позволяющих отнести имя существительное к группе событийных имен, считается возможность выделения при их семантическом анализе исходного глагола, который в свою очередь дал начало номинализации.

Однако наряду с событийной номинацией выделяется также элементная номинация, обозначающая некий *элемент* действительности [Там же], и номинантом здесь может выступать слово. В этом случае событийное имя, которое по своей сути может рассматриваться как свернутая пропозиция, способно описывать

феномен события не менее адекватно, чем, например, полносоставное предложение. Так, например, Р. Лангакер на базе понятия реификации (когнитивная операция «опредмечивания» – впервые термин был использован У. Чейфом [Chafe 1970: 96]) вводит понятие «опредмеченное событие» (reified event) [Langacker 1999: 34–35].

Общая модель события как онтологической единицы стала основой для разработки обобщенной фреймовой модели значения событийного имени, которую предложила О.К. Ирисханова [Ирисханова 1997]. Данная модель состоит из двух основных блоков: фактуального (именно он содержит указание на элементы общей модели события, т.е. познающий субъект, агенсно-пациенские характеристики события, его пространственно-временные параметры, а также цель, причину и следствие) и оценочного (включает оценку значимости, вероятности события, его общую оценку с позиции хорошо/плохо и оценку по разного рода «частнооценочным» признакам, например, сенсорным, рационалистическим).

Подробнее о других возможных критериях выделения и систематизации событийных имен мы будем говорить в следующем параграфе, посвященном возможным типологиям событийных имен существительных.

1.2.2. Критерии выделения и построения типологии событийных имен

Исследования феномена событийных имен, проводившиеся как на материале английского языка [Якушева 1984; Ирисханова 1997], так и на материале других языков (причем относящихся к разным языковым группам): романских [Романова 1979], русского [Радзиевская 1981; Самойленко 1991], так или иначе сталкиваются с проблемой определения критериев, на основании которых некоторую лексическую единицу следует причислять к группе событийных имен и в целом выделять корпус событийных имен в лексиконе данного языка.

Как показывают исследования, жесткой классификации событийных имен препятствует весьма субъективное определение границ понятия «событие», о чем мы говорили выше. Тем не менее, корпус событийных имен существительных поддается

структуризации, но эта системность представляет собой не «традиционную плоскостную гиперо-гипонимическую структуру», а скорее «объемную динамическую модель» [Якушева 1984б: 18], что представляется тем более очевидным, если учесть избранный метод исследования – рассмотрение феномена событийных имен с когнитивно-дискурсивных позиций.

Большинство исследователей на первом этапе начинали свою работу с применения метода сплошной выборки из различного рода толковых словарей. При этом признавалось, что напрямую о наличии семы событийности в значении некоторой лексической единицы свидетельствует присутствие в составе ее дефиниции основного идентификатора событийного значения – «event» и слов, с помощью которых данный идентификатор толкуется: *happening, occurrence, fact* (мы приводим здесь тезис из работы, выполненной на материале английского языка [Якушева 1984а: 12], однако практически идентичную мысль встречаем и в исследовании, проведенном на материале русского языка: «Центр [лексико-семантического поля событийности] составляют лексемы, связанные с идентификатором синонимическими отношениями (событие – случай, происшествие, факт, явление)» [Самойленко 1991: 11–12]).

Представляется, что данный критерий действительно можно считать вполне объективным, особенно с учетом возможности перекрестного анализа дефиниций одной лексемы, приводимых разными словарями. Однако, проводя собственный анализ, мы пришли к выводу, что возможности данного метода могут быть расширены, если взять за основу положение об объективной близости событий и действий, о чем говорилось выше.

Некоторые исследователи сетуют на «чрезмерное расширение границ» группы событийных имен вследствие включения в нее имен, обозначающих действия и процессы [Ирисханова 1997: 1]. Однако данное замечание представляется не совсем правомерным по нескольким причинам:

1. отсутствие жестких границ между событиями, процессами и действиями как онтологическими сущностями;
2. обращение к моделированию события, т.е. разработка общей событийной модели с целью моделирования семантики событийных имен показывает, что при всем желании разграничение

событийных имен и имен действия оказывается подчас невозможным;

3. будучи феноменом не только языковым, но и речевым, событийные имена способны, следовательно, конденсированно отражать и референтные, и текстовые события, представляющие собой интерпретацию некоторого отрезка текста в его контексте, а поскольку в некоторых типах дискурса, например, художественном, качеством событийности может наделяться любой элемент, не исключая, конечно, действие или процесс, то, имея в качестве антецедента текстовое событие, событийное имя, весьма вероятно, может быть выражено именем действия.

Таким образом, по нашему мнению, к группе событийных имен должны относиться лексемы, в словарной дефиниции которых присутствует или слово-идентификатор с генерализованным значением *события* (*event, to happen*), или слово-идентификатор с генерализованным значением *действия*, например: *to do, to act* или их производные. Вероятно, к данной группе можно относить также имена существительные, в словарной дефиниции которых идентификатор с генерализованным значением события/действия не присутствует непосредственно, но его можно обнаружить методом ступенчатой идентификации. Например:

1. INCIDENT – something that **HAPPENS**, especially when of subordinate importance in relation to something much larger; any **HAPPENING** which for various reasons people do not wish to describe accurately.

↑

2. SCENE – an **INCIDENT** or situation in real life.

Ниже, в таблице 1, приводится ряд подобных лексем, как «первого», так и «второго» порядка (дефиниции даны по [Hornby 1992]); в нашем дальнейшем анализе данной группы событийных имен мы будем использовать в качестве примера именно эти лексемы, опираясь на приводимые здесь дефиниции.

Примеры общесобытийных имен

Слово-идентификатор	Лексема «первого» порядка
to happen → happening	<ol style="list-style-type: none"> 1. EVENT – a happening, usually an important one. 2. AFFAIR – a thing or happening. 3. OCCURENCE – a happening or event. 4. ADVENTURE – a strange or unusual happening, especially one that is exciting or dangerous. 5. ACCIDENT – something that happens unexpectedly and by chance; usually something unfortunate. 6. CASE – a number of facts, circumstances or special conditions relating to a person or thing; a state of affairs; a thing that has happened. 7. EPISODE – an important or serious happening or experience in series of events. 8. INCIDENT – something that happens, especially when of subordinate importance in relation to something much larger; any happening which for various reasons people do not wish to describe accurately.
to act → act; action; acting	<ol style="list-style-type: none"> 1. DEED – an act; something done. 2. BEHAVIOUR – way of acting; conduct; manners (good or bad). 3. FUSS – nervous activity. 4. GESTURE – an action or statement that conveys to others an intention, an attitude or feeling. 5. MISDEED – a wicked act; a crime. 6. PERFORMANCE – a notable action. 7. PROCEDURE – the way of performing an action or of conducting any affair. 8. REACTION – action that arises from some influence. 9. TRICK – a cunning action, something done to deceive; a mean or mischievous action.
to do → doing	<ol style="list-style-type: none"> 1. ACT – a thing done; doing. 2. ACTION – doing something; a thing done; an act. 3. ACTIVITY – what one does. 4. CRIME – wrongdoing in general; lawbreaking. 5. METHODS – a way or manner of doing something.

Исходя из данных дефиниций несложно установить, что все эти лексические единицы могут быть объединены в одну подгруппу на основании общего признака: данные имена существительные, будучи, вне всякого сомнения, событийными именами, не дают указания на определенные характеристики актантов и обстоятельств события, однако, тем не менее, могут служить обозначениями самых различных событий вне зависимости от актантной и обстоятельственной структуры последних.

Поскольку одной из основных особенностей человеческого разума является способность обобщать, и поскольку язык человека неразрывно связан с процессом мышления, неслучайным было и появление разнообразных способов и средств языкового выражения движения мысли в направлении обобщения огромного потока информации, поступающей из внешнего мира. Как известно, одним из наиболее эффективных средств обобщения той информации, которую человеку предоставляет внеязыковая действительность, является имя существительное (вспомним, как часто говорящего на английском языке, выручают слова «thing» и «stuff», если он/она вдруг забыл, а может быть, и вовсе не знал название какого-то предмета).

Развитие же способности человека мыслить абстрактно привело к тому, что с течением времени в класс имен существительных стали включаться единицы, в которых значение предметности как бы «отодвинуто» на второй план, например, как в рассматриваемом случае, семой событийности (именно это обстоятельство служит причиной гетерогенности данной части речи, о чем мы говорили выше). Вполне естественным выступает в этом плане появление в языке лексем (подобно тем, дефиниции которых приводятся в таблице 1), служащих обобщенным наименованием уже не онтологических, но гносеологических предметов, а также выделение их внутри класса имен существительных в отдельную подгруппу по данному семантическому признаку. Имена, служащие обобщенным наименованием событий, традиционно выделяют среди всех событийных имен в отдельную подгруппу – *общесобытийные* имена (куда мы, основываясь на аргументах, приведенных выше, включаем также общие имена действия).

Изучению статуса общесобытийных имен, которые обладают самыми широкими возможностями в аспекте обобщенного

наименования событий, было посвящено не одно исследование [Вольф, Романова 1979; Романова 1979; Радзиевская 1979, 1981 и др.]. Их обобщенный анализ, а также наши собственные наблюдения позволяют выявить основные характеристики данной подгруппы событийных имен.

1) Высокая степень синсемантии – зависимости реализации значения от контекста, т.е. недостаточность непосредственного синтаксического окружения данных имен для однозначного их понимания, вследствие чего использование данных имен ведет к включению их в анафорические структуры, содержащие два элемента: антецедент – некоторое высказывание, описывающее денотативную ситуацию, либо другое событийное имя – и само общесобытийное имя, выступающее в функции повтора; расположение кореферентных элементов подобной анафорической структуры относительно друг друга и дискурсивное расстояние между ними может быть различным: а) предшествование антецедента повтору (проспективная анафора); б) следование антецедента за повтором (ретроспективная анафора); в) «разорванность» антецедента – одна его часть находится впереди, другая – после повтора.

2) Не имея в своем составе сем, характеризующих событие по его актантно-сирконстантным параметрам, общесобытийные имена, тем не менее, могут сочетаться с именами актантов и с указаниями на пространственно-временные характеристики события. Для этой цели могут быть использованы адъективные и субстантивные определения, а также предложные дополнения, которые служат обозначению временных или пространственных рамок происходящего.

3) Общие имена действий (ACT, ACTION, ADVENTURE, BEHAVIOUR, DEED, EXPERIENCE, REACTION, TACTICS, TECHNIQUE) чаще акцентируют внимание воспринимающего информацию о событии непосредственно на участниках события, а не на его пространственно-временных параметрах. В отличие от предыдущей группы, данные лексемы чаще всего конкретизируются посредством притяжательных местоимений и посессивом имен существительных.

4) Общесобытийные имена могут иметь в своем значении семы оценивания события в целом, при этом оценка события может

быть сосредоточена как на происходящем в целом, без указания на действия участвующих в нем лиц, например, FARCE, COMEDY, так и квалифицировать действия участников события. Анализ языкового материала показывает, что, как правило, такие имена несут отрицательную коннотацию, например: CRIME, ECCENTRICITY, FUSS, LUNACY, MADNESS, MANIA, MISCHIEF, MISDEED, TRICK, при отсутствии явно выраженной отрицательной коннотации такие существительные (ENTHUSIASM, [GRAND] GESTURE), тем не менее, описывают поступки участников события с некоторой долей иронии.

5) Общесобытийные имена, не имеющие семы оценки события, могут сочетаться с оценочным определением и, таким образом, также входить в структуры, имеющие целью оценить событие, например:

(1) “... *I burnt every novel I possessed. Dickens. Cervantes. Dostoevsky. Flaubert. All the great and all the small. I even burnt them out there. It took me all day. The sky took their smoke, the earth their ashes. It was fumigation. I have been happier and healthier ever since.*” *I remembered my own small destroying; and thought, **grand gestures are splendid – if you can afford them*** (J. Fowles).

б) Отсутствие или минимальный уровень квалификативности в семантике общесобытийного имени позволяет отнести его к подгруппе *широкозначных* событийных имен (например, EVENT, SITUATION, INCIDENT).

7) Основные дискурсоорганизующие функции общесобытийных имен могут быть сведены к двум основным: **обеспечение когезии (когерентности)** (обобщение информации о событии, данной в пред- или пост-тексте, а также акцентирование временных либо пространственных параметров события), **эмоционально-экспрессивная и оценочная функция** (имя существительное не только выступает в качестве анафоры или катафоры, но и служит выражению субъективного мнения говорящего/пишущего по поводу произошедшего или происходящего).

Наряду с общесобытийными именами выделяют конкретнособытийные имена, выявление статуса которых как событийных имен не так однозначно, как в случае с общесобытийными именами. Основная трудность в определении статуса конкретнособытийного имени заключается в частом отсутствии семы «событие»

в словарной дефиниции анализируемой единицы в эксплицитном виде. Тем не менее, обращение к словарным дефинициям может помочь раскрыть структуру обозначаемого явления и, соответственно, указать на возможность отнесения данного явления к категории события (через сравнение описания этого явления с обобщенной моделью события $e = S(L [Ag Ch Pat] t)$), например:

War – n. a fight carried on between nations or parties by force [Hornby 1992].

Тщательный анализ дефиниций подобных лексем показывает, что название «*конкретнособытийные*» не совсем адекватно представляет семантическую структуру данных единиц, поскольку их денотатом, как правило, является несколько дискретно представленных действий (каждое из которых в свою очередь может быть событием), причем в *общем* опыте носителей языка за данными понятиями *закреплена* совершенно определенная последовательность действий.

Существуют многообразные типы обозначений структур данных для представления стереотипных ситуаций. Вследствие смены научной парадигмы в обиход современной лингвистики за последние десятилетия вошло много понятий, связанных с когнитивными науками, являющимися, по предмету своего исследования, науками о системах представления знаний и обработки информации [Shepard 1988: 45]. К настоящему моменту в когнитивной лингвистике получили широкое распространение такие понятия о структурах представления знания, как модель, пропозиция, схема, скрипт, сценарий, фрейм [см., например, Минский 1979; Schank, Abelson 1977]. Все это свидетельствует о том, что человеческое сознание успешно разграничивает различные типы и формы представления знаний о фрагментах объективной действительности. Однако несмотря на то, что каждое из этих понятий служит для обозначения особого рода структурной организации памяти, которая играет важную роль в обработке речевых сообщений, вопрос о четком разграничении каждого из этих терминов все еще остается открытым.

Так, например, Ч. Филлмор относит различия между терминами «сцена», «схема», «скрипт» к различиям между элементами одной иерархически организованной категории [Филлмор 1983, 1988].

В. Раскин [Raskin 1978, 1986] вообще не делает различий между понятиями «схема», «скрипт», «фрейм» и определяет их как некие когнитивные структуры, которые «интериоризированы» носителем языка и представляют знания данного носителя о небольшом фрагменте мира, причем знания о типичных способах поведения и стандартных ситуациях.

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, определяя, например, понятия сценария и фрейма, также рассматривают их как взаимосвязанные и сосуществующие концептуальные структуры, которые различаются тем, что отображают по-разному ориентированные знания (декларативные и дескриптивные/процедурные) [Baranov, Dobvol'skij 1996].

Однако при всем разнообразии точек зрения в отношении определения сущности различий между перечисленными выше терминами за каждым из них в научном обиходе все же закрепилось более или менее стабильное значение. Так, в отношении интересующего нас предмета – конкретнособытийных имен (оставим пока это название) – наиболее приемлемым вариантом выбора будет понятие «сценарий», которое обозначает когнитивную модель представления в памяти *стереотипных социальных ситуаций*.

Термин «сценарий», используемый в когнитивных науках для обозначения крупной когнитивной структуры представления знаний и продукта концептуализации опыта, хранимого в человеческой памяти [Краткий словарь когнитивных терминов 1996], представляет собой «набор объединенных временными и причинными связями понятий высшего уровня, описывающих упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий» [Филлмор 1988: 23]. В свою очередь, в языке существует целый пласт лексики (типа *war, battle, divorce, wedding*), конституирующие единицы которого являются наименованиями подобного рода сценариев. Именно такие существительные традиционно называются конкретнособытийными, хотя, как нам представляется, с учетом данных когнитивной лингвистики более адекватным наименованием для этой подгруппы событийных имен будет «сценарные имена».

Помимо того, что денотатом сценарного имени является совокупность разных дискретно представленных действий, исследо-

ватели выделяют еще несколько отличительных признаков этой подгруппы событийных имен (см., например, Поздеев 1998):

1) существование денотата сценарного имени имеет временное измерение – начало и конец;

2) сценарным именам присуща специфическая актантная семантико-ролевая валентность, как правило, агенсно-пациенсная.

Перечисленные характеристики составляют основной дискурсоорганизующий потенциал сценарных имен, которые, будучи наделены подобными свойствами, по всей вероятности, могут становиться центрами организации дискурса, развертывание которого будет происходить от сценарного имени к предикатным выражениям и актантным именным группам, поскольку логическая структура события представлена в семантике сценарного имени в самом конденсированном, но полном виде.

Большим потенциалом в плане использования в качестве наименования события обладают имена действия – девербативы. Будучи отглагольными дериватами, они, безусловно, сохраняют пропозитивную семантику, поэтому представляется оправданным говорить о потенциале использования отглагольных имен действия в качестве средства событийной номинации. Однако термин «имя действия» является более широким, чем «отглагольное существительное», в том плане что не означает обязательную производность существительного от глагола.

Существует мнение, что в семантико-словообразовательную группу имен действия входят не только отглагольные дериваты. Например, Е.И. Коряковцева, рассматривая статус имени действия на примере славянских существительных, считает, что «в языке на протяжении многих столетий функционируют **отыменные** (выделено нами. – М.С.) существительные с процессуальными значениями, типа: мародерство, безумство» [Коряковцева 1996: 55]. Тем не менее, к ядру семантико-словообразовательной категории имен действия она относит отглагольные имена действия и полагает, что «общекатегориальными» должны быть признаны семантические, морфологические и синтаксические свойства отглагольных имен действия. Для выявления таких свойств у предполагаемых *nomina actionis* и определения статуса некоторых неотглагольных дериватов-существительных предлагается ряд приемов [Там же: 56–64]:

1. вычленения семы «процессуальность» методом компонентного анализа словарной дефиниции;

2. анализ синтаксической сочетаемости слова (сочетание с глаголами определенных лексико-грамматических групп, способность занимать определенные синтаксические позиции, наличие однородных членов – отглагольных имен действия и т.п.);

3. анализ употребления абстрактных существительных в формах множественного числа, показывающих либо различные проявления действия, либо его повторяемость.

Мы полагаем, что подобный подход, подтвержденный фактами славянских языков, может оказаться приемлемым и для анализа событийных имен современного английского языка. Действительно, в текстах встречаются примеры, когда имена существительные, будучи образованы не от глагола, а от другой части речи, например, от прилагательного, явно обладают признаками имени действия. Приведем примеры:

(2) *Her anger was against her, for her **frivolity** and her blindness. She had met him at her feet, the only one, for years and years, and now had lost him utterly* (I. Murdoch).

Так автор через несобственно прямую речь описывает состояние героини. Аделаида, с детства дружившая с двумя братьями-близнецами, один из которых по-настоящему ее любил, слишком поздно понимает, что в то время как она безуспешно искала взаимного чувства от другого человека, истинная любовь была совсем близко.

Воспользуемся одним из указанных выше приемов для определения статуса существительного *frivolity* – обратимся к словарной дефиниции. Действительно, оказывается, что в словарной дефиниции этой лексемы – «a light, foolish **action** or **utterance**, showing lack of seriousness» [Hornby 1992] – ключевыми словами являются существительные с ярко выраженной процессуальной семантикой: *action* и *utterance*, что позволяет отнести существительное *frivolity* к группе имен действия.

(3) *The two girls eyed each other a moment; **a challenge and a reluctance**, a ghost of some previous argument in private. But then the reluctant one smiled and stood* (J. Fowles).

В примере (3) статус существительного *reluctance* как имени действия подтверждается его вхождением в один ряд с отгла-

гольным *challenge*, принадлежность которого к категории имен действия не вызывает сомнения.

Таким образом, наше предположение о том, что к группе имен действия относятся не только отглагольные дериваты, но также отадъективные существительные, можно считать подтвержденным. Следовательно, потенциально в группу событийных имен могут входить как отглагольные, так и отадъективные существительные, статус которых определен как «имя действия». Приведем еще один пример:

(4) *Adelaide began to sob. [...] Adelaide began to scream. [...] Danby turned her round towards him and slapped her face. The screams stopped, but the next moment Danby felt himself gripped by the shoulders and almost hurled off the bed. Punching, kicking, biting, Adelaide had attached herself to the whole length of his body. Caught off his balance he could not get his hands between them. He felt her teeth at his neck. The next moment they had both fallen heavily onto the floor. [...] Oh she had cried so much in these last days. And it ended in this insanity, which must have broken Danby's love for her for ever* (I. Murdoch).

В приведенном отрывке отадъективное существительное *insanity* обладает статусом событийного по нескольким причинам:

1. в его словарной дефиниции – a mad or foolish **act** – мы встречаем общее имя действия *act*, которое позволяет относить данную лексему к разряду имен действия, и, следовательно, потенциально степень вероятности приобретения им значения событийности более чем велика;

2. анализируемая единица кореферентна развернутому описанию события и, выполняя функцию ретроспективной анафоры, становится средством повторной событийной номинации.

Контекстуальные условия могут определять не только статус отадъективного имени существительного как имени действия и приобретение им значения событийности, но и создавать предпосылки возникновения событийного значения у других групп существительных. Например, имена существительные, обозначающие чувства, эмоциональное состояние субъекта (*horror, panic*), также, по мнению некоторых исследователей [Якушева 1984б: 17; Ирисханова 1997: 11, 14–15], способны проявлять значение событийности.

В исследовании О.К. Ирисхановой данная группа существительных включена в группу событийных имен (по когнитивно-семантической классификации автора – в группу событийных имен поведения) без каких-либо оговорок, на основании анализа их фреймовой модели. В более ранней работе И.В. Якушевой такие имена относятся к группе условно-событийных (в противопоставление собственно-событийным, куда отнесены общесобытийные имена и те, которые в нашей работе обозначены как сценарные), а также задается ограничение на присвоение статуса событийных подобным именам существительным: а) наличие ко-референтности с развернутыми описаниями событий; б) совместная встречаемость с «событийными» предикатами типа *to happen, to take place, to occur*.

Феноменом связного текста и дискурса в целом (различные точки зрения на соотношение этих понятий приводятся в следующем параграфе) является и окказиональная транспозиция в событийное имя существительных конкретно-предметной семантики, т.е., согласно теории прототипов, единиц, входящих в ядро категории имен существительных, и имен собственных. Относя такие существительные к классу событийных имен, следует оговориться, что пропозитивное прочтение, для выражения которого они, в стандартных условиях, не предназначены, эти существительные получают только в определенных семантико-синтаксических условиях, в связном контексте, выполняя при этом катафорическую или анафорическую функции. Рамки отдельного предложения не позволяют определить их статус как событийных имен. Только контекст дает возможность однозначного понимания таких предложений, которые в случае их вычленения могут иметь бесконечное множество вариантов интерпретации. Например:

(5) *More photos today. Not many. I said it hurt my eyes too much. And I don't like him always ordering me about* (J. Fowles).

Здесь конкретно-предметное существительное *photos*, будучи использовано в качестве повторной номинации, соотносится с предыдущим контекстом, и его антецедентом выступает фрагмент, где героиня в форме дневниковой записи подробно описывает утомительную и унижительную для нее процедуру уже однажды происходившего фотографирования. На основании ранее

полученного знания о ситуации мы можем утверждать, что конкретно-предметное существительное *photos* приобретает в данном контексте несвойственное ему в обычных условиях пропозитивное прочтение и функционирует как событийное имя.

В следующем примере значение событийности приобретает имя собственное, помогающее репрезентировать целое через его часть. В данном случае называется кто-то из участников ситуации, и, исходя из этого, восстанавливается вся ситуация.

(6) *Miles could never understand about Gwen and Danby. It all happened very quickly* (I. Murdoch).

Выступая средством повторной событийной номинации, имена собственные, как правило, входят в состав анафорических конструкций. Приведенный выше пример не исключение: имена собственные выполняют в данном случае функцию проспективной анафоры, т.е. детальное описание того, что произошло, мы узнаем из последующего контекста.

Однако, как мы писали выше, имеющиеся в настоящее время в лингвистике трактовки понятия «контекст» весьма разнообразны: помимо собственно лингвистического («узкого») контекста различают также исторический, социальный, социально-культурный контекст («широкий»). В этой связи заметим, что подавляющее большинство исследователей ономастики [см., например, Руденко 1990: 54–55] указывают на высокую степень зависимости собственных имен – как в диахроническом, так и в синхроническом плане – от экстралингвистических факторов.

Через «широкий контекст» описание собственных имен, и в том числе возможность понимания их как событийных имен, сближается с логической трактовкой их как жестких десигнаторов [Крипке 1982], так как положение о «жесткой десигнации» находит свое соответствие в «жесткой», длительной и, по сути, вечной закреплённости собственных имен за их носителями, вследствие чего любое новое употребление имени собственного всегда будет входить в анафорические отношения с событиями, в той или иной степени связанными с носителем этого имени, и имплицитно содержать в своем значении сему событийности. Приведем пример:

(7) *Words had lost their power, either for good or for evil; still hung like a mist, over the reality of action, distorting, misleading,*

*castrating; but at least since **Hitler** and **Hiroshima** they were seen to be a mist, a flimsy superstructure* (J. Fowles).

Таким образом, анализ существующих точек зрения и наши собственные наблюдения показывают, что перечень критериев, позволяющих относить некоторое имя существительное к группе событийных имен, и сам состав группы событийных имен чрезвычайно неоднородны, однако основными параметрами, согласно которым данная единица получает статус событийного имени, являются: а) адекватное соотношение значения данного существительного с моделью события как онтологической единицы; б) кореферентность имени существительного с событием, детально представленным в лингвистическом или социально-культурном контексте. Различение видов последнего приводит к вопросу о соотношении текста как явления собственно лингвистического, и дискурса, который является феноменом, зависящим одновременно от лингвистических и экстралингвистических факторов.

Представляется, что выдвижение тезиса о событийных именах как *когнитивно-дискурсивных* образованиях требует более подробного анализа существующих трактовок самого понятия «дискурс». Тем более целесообразно будет посвятить данному вопросу отдельную часть нашей работы, если учесть основную цель настоящего исследования – изучение *дискурсоорганизующих* функций событийных имен. Попытаемся осветить этот вопрос в следующем параграфе нашего исследования.

1.3. О современной трактовке понятия «дискурс»

При всем многообразии факторов, позволяющих разграничить понятия текста и дискурса, их взаимоотношения очень тесны, и жесткой однозначной границы между ними все еще не проведено. В этом отношении показателен тот факт, что наряду с текстом и дискурсом выделяют еще одно явление, ставшее реальностью в последние два десятилетия, – **гипертекст**. Существуют следующие предпосылки появления данного феномена:

- объемы информации в современном мире многократно увеличиваются, поскольку увеличивается и число способов включения в коммуникацию (спутниковое телевидение, электронные сети);

- потоки информации образуют сложные структуры, требующие одновременного включения субъекта в различные коммуникативные сферы;
- различные коммуникативные системы (политика, наука, религия, искусство, повседневное общение) производят и передают по каналам связи свои собственные тексты, которые, пересекаясь, образуют новые тексты, вследствие чего понимание единичного текста становится невозможным без привлечения других текстов;
- возникает множество дополнительных друг другу структур знания; элементы такого знания, взаимодействуя на различных уровнях, образуют «рассеянные», «децентрированные» конфигурации;
- при многократно увеличившемся производстве текстов прежние способы их сохранения и распространения перестают удовлетворять потребности общества [Купер 2001].

Таким образом, текст перестает быть автономным образованием, он существует в плотной сети интертекстуальных связей, а современная культура, характеризуемая состоянием мозаичности, но не иерархичности [Моль 1973], требует новых форм коммуникации и новых способов существования текстов. Все это приводит к появлению новой гибкой формы существования информации – гипертекстовым сетям.

Технически гипертекстовая система реализуется посредством электронных средств и соответствующего программного обеспечения, что позволяет преодолеть ограничения линейной природы печатного текста. Хотя, справедливости ради, стоит признать, что информационная структура, называемая гипертекстом, не является чем-то абсолютно новым, ранее неизвестным.

Нелинейная форма представления знаний является традиционной при составлении различного рода справочников и энциклопедий, широко использующих многочисленные сноски, ссылки, комментарии. Следовательно, самым общим образом гипертекст можно определить как *нелинейную* документацию, которая ветвится и взаимосвязывается, позволяя читателю исследовать содержащуюся в ней информацию в той последовательности, которую он выбирает сам [Эпштейн 2001]. Более поздний термин

«гипермедиа» близок по смыслу к термину «гипертекст», но подчеркивает наличие в гипертексте таких нетекстовых компонентов как анимация, аудио- и видеоряд.

В целом гипертекстовая информационная модель основана на гипотезе о том, что переработка и генерация идей человеческим мозгом происходит ассоциативно. Посредством гипертекста познающий субъект, следуя собственным ассоциативным предпочтениям и самостоятельно избирая путь исследования, стремится из разрозненных фрагментарных представлений о некотором объекте создать определенную целостную картину восприятия данного конкретного фрагмента культуры.

Новый формат представления информации (сочетание материалов, представленных в текстовом либо графическом виде, с аудио- и видео материалами), а также огромный объем информационных ресурсов в сочетании с возможностью пользования системой гибких связей-переходов сближает гипертекст с дискурсом, если последний понимается как **семиотическое пространство**, включающее в себя:

- тезаурус прецедентных высказываний и текстов;
- вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы (бухгалтерская книга, график или генеалогическое древо тоже являются дискурсивными высказываниями);
- представление о типичных моделях поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации [Ревзина 1999; Шейгал 2001].

В рамках **прагматики** «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя, что в свою очередь подразумевает наличие субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания; при специализации этого значения понятие «дискурс» обозначает беседу, разговор, диалог [Квадратура смысла 1999: 26].

Заметим, что дискурс как явление многогранное становится предметом изучения не только собственно лингвистики, но и целого ряда междисциплинарных наук – психолингвистики, социолингвистики. Например, термин «дискурс» выступает как **термин социальной семиотики** для обозначения системы ограничений,

накладываемых на неограниченное число высказываний в связи с определенной социальной или идеологической позицией говорящего (ср. политический дискурс, феминистский дискурс).

Употребление термина «дискурс» в таком понимании в последние несколько лет вышло за рамки академической науки и стало весьма популярным в сфере публицистики. Данное значение термина восходит к французским структуралистам и постструктуралистам. Важную роль в обосновании такого употребления термина «дискурс» сыграли М. Фуко, А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева. В основе этого значения термина лежит стремление к уточнению традиционных понятий стиля, индивидуального языка (идиостиля) и жанра.

Понимаемый таким образом термин «дискурс» (и синонимичный ему в данном значении термин «дискурсивные практики») описывает способ говорения и обязательно имеет определение – КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс, т.к. исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: стилистической спецификой, спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. (можно было бы сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология).

Таким образом, дискурс представляет собой многогранное динамическое явление, однозначное понимание которого на современном этапе развития лингвистической науки еще не достигнуто. Несмотря на это в лингвистической литературе все же существуют более или менее обобщенные определения понятия «дискурс». Одно из наиболее полных определений понятия «дискурс» дает в своих работах Т.А. ван Дейк [Dijk 1983, 1988, 1994], понимая дискурс как речевой поток, язык в его постоянном движении, аккумулирующий все особенности национального менталитета и культуры, а также социальные и индивидуальные особенности ситуаций коммуникации и их участников.

В.З. Демьянков определяет дискурс как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения», при этом дискурс «создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для

создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса», отсюда элементами дискурса являются «излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков 1982: 7].

На основании этих обобщенных определений все многообразие значений понятия «дискурс» можно свести к двум основным:

1. дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях;

2. дискурс как «семиотический процесс, реализующийся в различных видах “дискурсивных практик”» [Ильин 1996: 50], т.е. специфический способ, специфические правила организации речевой деятельности.

Таким образом, в самом общем виде дискурс представляет собой сочетание двух явлений-антиподов. С одной стороны, дискурс соотносим с феноменом текущей речевой деятельности, которая связана с определенным социальным пространством и реальным, физическим временем, которое, как известно, необратимо, а следовательно, основными свойствами дискурса являются процессность и невозможность повторного воссоздания данного дискурсного события (не принимая во внимание существование современных средств аудио- и видеозаписи).

С другой стороны, дискурс предстает в виде возникших в результате данной деятельности речевых произведений (текстов), создание и интерпретация которых возможны только с учетом разнообразных лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. И в этом случае дискурс лишается своего основного свойства – процессности, а также жесткой прикрепленности к реальному времени, но существует в пространственно-временном континууме культуры (ср. мысль о противопоставлении времени физического и семиотического [Руднев 1996а]), что в свою очередь приводит к возможности бесчисленного воспроизведения с целью всестороннего анализа и интерпретации заложенных коммуникантами смыслов.

На наш взгляд, вполне естественно, что дискурс по своей природе обладает, казалось бы, взаимоисключающими, но, тем не

менее, органично сочетающимися свойствами. Совмещение плюсовых свойств возможно, если вспомнить о соотношении значения и формы, и тогда текст есть вербальная репрезентация дискурса (со всей его многомерностью) как понятийного содержания, организованного с целью воздействия на мыслительные процессы адресата в соответствии с коммуникативным намерением автора.

В настоящей работе мы опираемся на одно из наиболее широких пониманий термина «дискурс» и рассматриваем дискурс как *семиотическое пространство, включающее представления о типичных моделях поведения и стандартных речевых действиях, характерных для данного конкретного типа коммуникации, а также все множество прецедентных текстов, созданных и создаваемых в рамках этой сферы коммуникации.*

Характер исследуемого объекта – событийные имена – определил выбор анализируемого типа дискурса, поскольку степень номинативности, а значит, и потенциальной плотности использования событийных имен, зависит, главным образом, от типа дискурса как дискурсивной практики и индивидуальных стилевых особенностей автора, породившего данный дискурс.

Наибольшей степенью номинативности характеризуются научный дискурс и дискурс, который еще десять лет назад было принято именовать газетно-публицистическим. Однако произошедшие в последние несколько лет стремительные перемены в способах передачи информации, а именно: появление глобальной информационной сети Интернет и расширение возможностей спутникового и кабельного телевидения, – позволяют говорить не столько о «газетно-публицистическом» дискурсе, сколько о дискурсе масс-медиа. Именно данный тип дискурса, по самой природе своей, существует для сообщения о разного рода событиях, что, в свою очередь, приводит к многократному повышению частоты использования событийных имен в «ткани» дискурса.

С учетом данного факта считаем целесообразным дальнейшее исследование дискурсообразующих функций событийных имен проводить на материале новостного дискурса масс-медиа. Плотность использования событийных имен в данном типе дискурса является одной из наиболее высоких в сравнении с другими типами дискурсов, что влечет за собой возможность проанализировать

всю широту и разнообразие функций событийных имен и их роль в организации дискурса на достаточно однородном языковом материале.

Однако было бы неверным полностью отказаться от привлечения языкового материала, содержащегося в других типах дискурсов, например, политическом, художественном, так как разнообразность материала позволит более глубоко проанализировать процессы, связанные с функционированием событийных имен в дискурсе вообще. Тем не менее, в настоящем исследовании основной фокус внимания будет сосредоточен на изучении дискурсоорганизующих функций событийных имен при построении новостного дискурса современных масс-медиа.

Выводы по главе 1

В первой главе настоящего исследования были проанализированы основные посылки когнитивно-дискурсивного подхода к изучению событийных имен существительных. Согласно основным положениям данного подхода событийные имена существительные являются симбиотическим представлением двух противоположных способов категоризации человеческого опыта, объединяя в своей семантике полюсные значения предметности и событийности, и относятся к одной из периферийных групп имен существительных.

Данная группа выделяется на основании общности семантики всех входящих в ее состав единиц: все они представляют некоторый фрагмент картины мира – некое изменение, локализованное в определенных пространственно-временных рамках и имеющее последствия для конкретного индивидуума или общества в целом, то есть событие – как целостный объект. Таким образом, в значении каждого событийного имени существительного присутствует архисема «событие».

Однако размытость границ понятия «событие», которое представляет собой сложное целое, каждая составляющая которого обладает собственными специфическими характеристиками (с одной стороны, событие может рассматриваться как онтологическая данность, с другой – как нечто, не существующее вне мысли и текста), определяет невозможность построения строгой типологии событийных имен существительных. Тем не менее, во

всем многообразии существующих критериев, позволяющих наделить конкретную лексическую единицу статусом событийного имени, выделяются два основных:

а) адекватное соотношение значения данного существительного с моделью события как онтологической единицы;

б) кореферентность имени существительного с событием, детально представленным в лингвистическом или социально-культурном контексте.

Отдельный параграф первой главы был отведен освещению основных подходов к определению понятия «дискурс». Анализ специальной литературы показал, что на современном этапе развития лингвистической науки вопрос о четком определении данного понятия, представляющего собой комплексное коммуникативно-когнитивное явление, которое существует как единство языковой сферы и социокультурных знаний, остается открытым.

Существующее разнообразие определений понятия «дискурс» отражает всю сложность взаимоотношений между различными лингвистическими направлениями, а также связано со стремительным ростом числа междисциплинарных подходов к изучению языковых явлений. В настоящей работе в качестве базового принято определение дискурса как семиотического пространства, включающего в себя представления о типичных моделях поведения, стандартных формах речевого реагирования, характерных для конкретного типа коммуникации, и все множество текстов, созданных в рамках данной сферы коммуникации.

Объект исследования определил выбор конкретного типа дискурса, на материале которого будет проводиться дальнейший анализ дискурсоорганизующих функций событийных имен существительных – новостной дискурс современных масс-медиа. Природа данного типа дискурса обуславливает повышенную плотность использования событийных имен в его «ткани», что способствует возможности изучения функционирования событийных имен на сравнительно однородном лингвистическом материале.

Глава 2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОБЫТИЙНЫХ ИМЕН В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

2.1. Структура новостного дискурса

Конец XX – начало XXI века ознаменовались информационным взрывом: производство информационного продукта, а не продукта материального стало движущей силой существования и развития общества. Тем не менее, проблема «информационного взрыва» как таковая заключается не в чрезмерном увеличении потока информационных данных, а в отказе от принципа линейной масс-медийной коммуникации и появлении новой «гибридной» формы масс-медиа – распространение информационного потока в электронном формате, что позволяет совместить печатное слово газетного комментария с видео- и аудиорядом телевизионного репортажа, давая возможность комбинировать различные варианты представления событий реального мира, а также частоту их повторения в режиме онлайн по нашему собственному усмотрению.

Однако при всей новизне современного формата новостной дискурс остается одной из традиционных сфер коммуникации. Суть же всякой коммуникации, в том числе и языковой, заключается в построении в когнитивной системе собеседника/читателя, т.е. реципиента, неких конструкций, «моделей мира», которые соотносились бы с «моделями мира» говорящего/автора. Под «моделью мира» в этом случае понимают «некоторую сетку координат, при помощи которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [Ноздрина 2000: 9].

Сама сеть координат образована основными универсальными категориями: время, пространство, изменение, причина, судьба, отношение чувственного к сверхчувственному, число, отношение части к целому [Гуревич 1984: 15–16]. Следовательно, понятие «модель мира» соотносимо с понятием «картина мира», определяемым как «целостный глобальный образ мира, который является

результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора 1988: 19].

Перечисленные выше категории описывают реальный объективно существующий мир. Говоря же об организации дискурса, который обобщенно определяется как совокупность двух сфер – текста и экстралингвистических факторов, мы вправе назвать еще несколько основных категорий, связанных уже не с описанием реального мира, но с литературоведческим анализом текста (помимо категорий времени и пространства, которые признаются общими для обеих сфер): образ автора, герой. Преломляясь под углом зрения лингвистики текста, данные категории рассматриваются как темпоральная, локальная, персональная и референтная структуры, т.е. как основные актуализаторы, посредством которых становится возможным соотношение текста с внетекстовой реальностью.

Для выражения определенного семантического содержания (темпорального, локального и т.д.) в основе каждой такой структуры лежит взаимодействие языковых средств морфологического, лексического, синтаксического, словообразовательного уровней. Благодаря подобному взаимодействию языковых средств отдельные фрагменты дискурса связываются в единое целое.

Таким образом, дискурс как коммуникативно-когнитивный континуум есть целостность, существующая во взаимодействии ряда семантических макроструктур. В сущности, отдельные типы дискурса есть тематические континуумы, представленные множеством отдельных фрагментов, которые связываются пространственно-временным и персонально-референтным единством.

Следовательно, всякий дискурс, в том числе и новостной, строится по принципу «слоеного пирога»: целостность дискурса как когнитивно-коммуникативного образования зиждется на взаимодействии нескольких семантических макроструктур, посредством которых возможно многократное обращение к определенной теме, хранение и наращивание знаний по данному сегменту человеческого опыта.

Представляется, что дальнейшее рассмотрение вопроса о функциях событийных имен в построении новостного дискурса современных масс-медиа следует проводить с учетом объективно существующего взаимодействия трех конструкторов:

1. общей модели события как онтологической единицы (основные компоненты: познающий субъект, агенс, пациенс, пространство, время, изменение);

2. фреймовой модели значения событийного имени (основные компоненты: познающий субъект, пространственно-временные параметры, агенсно-пациенские характеристики, цель, причина, следствие, оценочный компонент);

3. семантических макроструктур (основные типы: темпорально-локальная и персонально-референтная), определяющих существование дискурса как коммуникативно-когнитивного континуума.

2.2. Стратегии построения новостного дискурса

2.2.1. Презентация события

Коммуникация в постиндустриальном обществе перестает быть только потоком данных, передаваемых от отправителя к получателю. Феномен современных масс-медиа заключается не в их способности регулярно, быстро и детально информировать о происходящем в объективной реальности, а творить собственную реальность. Даже сугубо новостные передачи или колонки новостей в наиболее объективной из ежедневных газет отражают не столько реальность, сколько «способ *фильтрации, членения, структурирования и интерпретации* реальности» [Войкунский 2001: 72] (выделено автором. – М.С.).

В свою очередь, создание новой реальности средствами масс-медиа выстраивается из следующих элементов:

1. осознанный отбор ограниченного ряда событий, достойных освещения;

2. медиакартина мира нарочито представлена событиями экстраординарными;

3. информация, предлагаемая медийными средствами, является инструментом влияния на мир реальный;

4. реальность, создаваемая средствами медиа, выстраивается не на действиях (референтных событиях) как таковых, а на реагировании на действия;

5. реальность, создаваемая медиа, рождает и легитимизирует мифы, а также поддерживает заданную мифоматрицу.

Исходя из сказанного выше, естественно предположить, что новостной дискурс как особое социально-культурное явление должен опираться на определенные законы, позволяющие схематизировать стратегию его построения. Процесс производства новостей не может зависеть от количества и масштабности событий, происходящих в реальном мире, – выпуски новостей должны выходить регулярно и привлекать требуемую аудиторию, наличие же некоторого жесткого сценария построения новостей всегда позволяет создать необходимый уровень масштабности и экстраординарности события.

Безусловно, если реальное событие имеет большой общественный резонанс, следует ожидать, что внимание аудитории будет удерживаться без каких-либо дополнительных искусственных приемов. Однако и здесь новостной дискурс строится по традиционной схеме, следование которой будет даже жестче, чем в случае представления и описания малозначительного события, что позволяет обеспечить существенное повышение уровня воздействия средств массовой информации на общественное сознание.

Общая стратегия производства дискурса новостей включает следующие этапы:

1. конкретное сообщение начинается с обозначения главной темы новости; как правило, представление главной темы сообщения «подается» в эмоционально-экспрессивной форме;
2. в первую очередь указываются наиболее важные последствия происшедшего события;
3. указываются подробности события; дается детальное описание участвующих сторон;
4. комментируются причины возникновения данной конкретной ситуации; приводится «фоновая» информация; указывается место данного происшествия в ряду других событий.

Таким образом, основная задача средств масс-медиа на первоначальном этапе – отобрать в потоке происходящего в реальном мире наиболее экстремальное, неординарное событие и подать его в виде «горячей новости», тем самым привлекая внимание как можно большей аудитории.

Говоря о роли событийных имен в создании новостного дискурса, в первую очередь следует отметить значимость использования данной группы существительных именно при создании

новостного материала, подающегося в виде «горячей новости». Обозначив первый этап стратегии производства новостного дискурса как представление главной темы сообщения, мы должны уточнить, что форма подобного представления может быть различной в зависимости от типа конкретного средства массовой информации. Однако наиболее распространенной формой, позволяющей максимальной сжато выразить суть произошедшего, является использование яркого, броского, информативно насыщенного заголовка (будь то заголовок газетной статьи, статьи, представленной на веб-сайте новостного агентства, заголовок-комментарий, предшествующий телерепортажу или сопровождающий его).

Цель заголовка – заинтересовать потенциального потребителя информации, которая будет представлена в нижеследующем материале. Ограниченные возможности человеческого внимания требуют от «нюс-мейкеров» необходимости следовать определенным правилам. Например, наиболее броские заголовки не должны содержать более 3–5 слов, но должны при этом оставаться максимально информативными, что в случае английского языка означает: большая часть наиболее интересных для нашего восприятия заголовков будет представлена номинативными либо полносоставными нераспространенными конструкциями с событийными именами.

Так, исследование и анализ более 430 заголовков редакционных статей, вышедших на первых страницах англоязычных изданий (385 общенациональных и региональных изданий США (включая экстренные выпуски); 30 изданий, вышедших на территории Великобритании, 10 – Канады, 8 – Австралии и Новой Зеландии, 1 – Индии; полный перечень дан в *Приложении 1*) в период с 11 по 15 сентября 2001 г., т.е. в первые четыре дня после совершения серии террористических актов на территории Соединенных Штатов Америки, показывает следующее (см. диаграмму 1):

- количество заголовков, которые представляют собой неполносоставные конструкции, значительно превышает число заголовков, представленных полносоставными предложениями, что вполне объяснимо с точки зрения необходимой краткости и минимализма формы;

- заголовки, выраженные неполносоставными конструкциями, можно разделить на несколько подгрупп:
 - заголовки, представленные номинативными конструкциями с использованием событийных имен – 48% (детальный анализ данной группы будет представлен ниже);
 - номинативные конструкции, в которых не были использованы событийные имена – 2% (например: *Bastards!*);
 - прочие неполносоставные конструкции (большая их часть представлена одиночным Причастием II или словосочетанием с ядерным элементом, выраженным Причастием II, например: *Terrorized, Shattered, U.S. Attacked, Struck at home*) – 13%;
- чуть менее одной трети заголовков, являющихся по своей структуре полносоставными предложениями, также содержат событийные имена.

Таким образом, количественный анализ языкового материала показывает, что событийные имена действительно являются эффективным, часто применяемым средством построения новостного дискурса на начальном этапе.

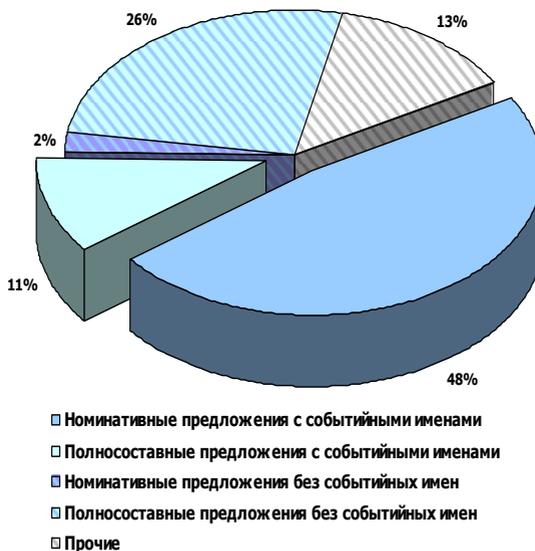

Диаграмма 1. Анализ грамматических конструкций предложений-заголовков

Информация, представленная в заголовке, является собой наиболее обобщенный вариант описания произошедшего события – все детали последуют ниже. Задача заголовка заключается в том, чтобы настроить на адекватное понимание последующей информации. Таким образом, можно обозначить две основные функции заголовка:

1. вызвать в сознании потенциального потребителя информации представление о типичной ситуации, подобной той, что будет описана ниже, создав тем самым на уровне антиципации определенную схему развития события; позднее данная схема должна будет найти свое подтверждение или опровержение в сознании реципиента, т.е. уложиться в рамки уже созданной мифосхемы или быть признанной исключением;

2. создать определенный «настрой», задать тональность дальнейшего материала, уже изначально – до предоставления читателю/слушателю возможности ознакомиться со всеми деталями произошедшего – дать оценку событию и классифицировать его в соответствии с морально-этическими представлениями, принятыми в данном конкретном обществе.

Исходя из вышеуказанных функций, можно предположить, что основная часть заголовков, в структуру которых входят событийные имена, содержит общесобытийные имена или сценарные имена, которые из всего класса событийных имен способны в наиболее обобщенной форме обозначить событие и классифицировать его среди всего множества социально-природных явлений, а также дать произошедшему оценку, т.е., по существу, определить тональность будущего материала и весь план дальнейшего развертывания дискурса.

В случае использования сценарного имени основной становится функция «пробуждения» схематизированного варианта всего множества аналогичных ситуаций в сознании того, кто будет читать/слушать дальнейшее описание события, т.е. одним понятием в оперативную память будущего потребителя информации вводится вся совокупность стандартных элементов, конституирующих данное событие.

Продолжим анализ упоминавшихся выше заголовков газетных статей, осветивших первые детали трагических событий 11 сентября 2001 г. Среди всего множества заголовков, где были

использованы событийные имена, выделяются несколько больших групп, включающих однотипные варианты первоначального представления события через обозначение ситуации сценарным именем.

К основным группам относятся заголовки, содержащие имена существительные ATTACK (ASSAULT), TERROR, WAR, SIEGE. Общее число заголовков, включающих данные существительные, составляет 65% от всего числа заголовков, в состав которых входят событийные имена. Следовательно, можно утверждать, что сценарные имена выполняют важную функцию в процессе формирования новостного дискурса на этапе обозначения главной темы сообщения.

Однако сценарные имена не просто обозначают главную тему последующего материала, но и задают сам ход дальнейшей экспозиции события, т.е. создают план его описания. Схема, «скелет» события, заданная сценарным именем, должна получить фактуальное наполнение в соответствии с уже существующими в сознании получателя информации представлениями о подобных ситуациях.

В данном случае использование сценарных имен обязывает авторов статей, опубликованных под заголовками *Attacks of terror; Terror attacks; Assault on America; Terror (America under attack); Terror (U.S. cities under siege); War on America*, так или иначе назвать в нижеследующем материале пострадавшую сторону и сторону, которая была инициатором акта насилия, привести данные о масштабах разрушений и человеческих жертвах, так как все эти элементы являются непосредственно составляющими общей модели события, именуемого «война», «террор», «атака, нападение», «штурм, захват».

Поскольку сценарные имена являются концентрированной презентацией всего события, то, в целом, излишним становится использование полносоставной конструкции, называющей участников события и их действия, – сценарий стандартного развертывания события известен a priori. Вследствие этого наблюдается закономерность: заголовки, содержащие сценарные имена, как правило, односоставны по своей структуре.

Распространение структуры предложения может происходить в сторону добавления информации о последствиях произошедшего

события (*Terror and tears; Terror's toll*), однако такого рода информация избыточна – она изначально включена во фреймовую структуру понятия, обозначенного сценарным именем, поэтому использование подобных информативно «перенасыщенных» заголовков должно быть оправдано. В приведенных примерах имеет место использование дополнительного стилистического приема – аллитерации, что позволяет увеличить уровень «привлекательности» заголовка в потоке однотипного материала, предлагаемого конкурирующими изданиями.

Гораздо чаще односоставное номинативное предложение со сценарным именем распространяется посредством включения информации о месте происшествия (*Terror in the streets; Terror in the sky; Terror at home*), так как подобная информация не может быть извлечена непосредственно из фреймовой структуры понятия, но является очень важной для потенциального читателя/слушателя (пространственно-временные границы – одна из основных характеристик события).

Всякая дополнительная информация о событии выполняет двоякую функцию: она может служить как подтверждением существующей в сознании реципиента мифосхемы, которая является неотъемлемой частью его картины мира, например, террористические акты сопровождаются взрывами зданий, угонами самолетов (*Terror in the streets; Terror in the sky*), так и опровергать заданную ранее мифосхему: «террористический акт – это страшное событие, но они происходят где-то далеко, меня лично они не могут коснуться» (*Terror at home*). В обоих случаях цель заголовка достигнута – внимание потребителя информации привлечено к нижеследующему материалу и удерживается в течение определенного времени, поскольку для осознания соответствия или противоречия события уже существующей мифосхеме требуется время и более подробное ознакомление с деталями произошедшего.

Использование односоставных номинативных конструкций с событийными именами в заголовках новостных материалов, несомненно, повышает степень аттракции сообщения. В целом, спектр средств, используемых масс-медиа для привлечения своей аудитории, весьма широк, однако базисным технологическим

приемом остается фильтрация событий, достойных описания с точки зрения их сенсационности, зрелищности.

Специальные исследования [см., например, Почепцов 2001] и житейские наблюдения показывают, что при этом стараниями средств масс-медиа организуется некое новое жизненное пространство, а точнее пространство «выхода из жизни», организация которого связана с «Inferno», появляется пространство новой реальности, «узкое пространство порога, границы, где нельзя устроиться, успокоиться, обосноваться, а можно только перешагнуть, переступить» (в свое время М. Бахтин давал такую оценку художественному пространству произведений Ф. Достоевского) [Бахтин 1996: 74].

Тем не менее, нагнетание атмосферы чрезвычайности, экстраординарности произошедшего не всегда уместно. Например, жители пострадавшей (в результате землетрясения, наводнения, террористического акта или военного конфликта) территории едва ли будут нуждаться в излишних, искусственно вызванных эмоциях, поскольку они а) изначально оказались в стрессовой ситуации, имевшей место в *реальной* действительности; б) уже владеют достаточно объективной информацией о произошедшем, лично являясь наблюдателями происходящего либо контактируя с непосредственными очевидцами события.

Будучи инструментом регулирования общественного сознания, средства массовой информации способны как безосновательно вызывать массовые панические настроения среди населения (именно такая ситуация наблюдалась в первые дни после трагических событий 11 сентября 2001 г.), так и служить стабилизатором общественных настроений. В этом случае правила построения новостного дискурса подчиняются реалиям жизни: освещение главной темы новости подается в более нейтральных тонах во избежание возникновения ситуации массовой истерии. Например, статьи, вышедшие 11, 12 и 13 сентября 2001 г. на страницах «New York Times», были озаглавлены следующим образом:

- *'Hijacked jets destroy Twin Towers and hit Pentagon in day of terror'*;

- ‘Stunned rescuers comb **attack** sites/Thousands are presumed dead; FBI tracking hijackers’ movement’;
- ‘Bush and top aides proclaim policy of ending “states that back **terror**”’; President plans New York trip today’.

Сотрудники отдела новостей данного издания, которые освещали события в непосредственной близости от места трагедии, безусловно, были подвержены эмоциональному воздействию произошедшего, однако редакционная политика отнюдь не была выстроена в русле нагнетания атмосферы страха и безысходного горя и внедрения в общественное сознание чувства незащищенности.

Немаловажную роль в этом сыграла форма подачи материала о событии, начиная с момента заявления главной темы сообщения. Полносоставные распространенные предложения, использованные в заголовках редакционных статей «New York Times», в сравнении с односоставными по своей синтаксической структуре заголовками большинства других изданий (*Terror! Attack!*), воспринимаются как эмоционально более сдержанные, несмотря на присутствие в их составе событийных имен *terror* и *attack*.

Обладая свойством квантифицируемости, событие может быть представлено в заголовке не только как единое целое, но также как несколько сущностей, объединенных некоторыми общими параметрами: местом, временем, участниками. Например, прочитав следующие заголовки *'Hijacked jets destroy Twin Towers and hit Pentagon in day of terror'*; *'Terror hits Pentagon, World Trade Center'*; *'Terrorists Hijack 4 airplanes, destroy World Trade Center, hit Pentagon; hundreds dead'*, можно составить достаточно точную картину происшедшего, однако с точки зрения правил построения новостного дискурса задача заголовка – только обозначить главную тему материала, все подробности «горячей новости» будут рассказаны позже. И в этом отношении заголовки вроде *Triple terror attack horror* существенно повышают интерес к информации, предлагаемой в данном новостном блоке, будь то статья в газете или раздел на информационном сайте новостного агентства. В данном случае квантифицируемость события обозначена посредством отглагольного имени существительного *attack*.

Имя существительное имеет особое значение в качестве средства выражения аспектуального характера действия, поскольку может выражать дополнительные аспектуальные значения, не охваченные глагольными средствами. Имя существительное

может быть использовано для выражения видового оттенка кратности действия в составе предложений различных по своей структуре. Приведем примеры:

(8) From somewhere down by the sea there was a *whistle* (J. Fowles).

(9) After a moment's *calculation* I put my arm round her and at once she leant against me (J. Fowles).

(10) It had struck her as odd that Miles had said nothing to her about Danby's drunken *visit* (I. Murdoch).

(11) She made no attempt this time to be offended. One realized progress more by *omissions* than anything else; by *pretences* dropped (J. Fowles).

Как показывают данные примеры, имя существительное пропозитивной семантики концентрирует внимание адресата на действии (8), его характеристике, качественных (10) и количественных (9; 11) параметрах. Говоря о количественных характеристиках действия, можно отграничить два параметра: квантификация как таковая и градуальность.

Использование событийного имени для обозначения действия дает возможность дальнейшего дробления квантитивных параметров, поскольку теперь денотат концептуализирован как объект, что позволяет ему принимать участие во многих из тех действий, которые можно производить с физическими объектами. Подобные модификаторы могут быть поделены на 3 основные группы, которые условно можно назвать следующим образом:

1. темпоральные – длительность события (*second, minute, moment* – a *second's struggle*; a *moment's hesitation*);

2. интенсификаторы – степень «выраженности» действия (*ghost, shadow, whisper, flash, touch, hint, flicker* – a *whisper of motion*; a *flash of movement*; a *ghost of argument*; a *shadow of smile*);

3. субкванторы (*chuckle, trill, burst* – a *chuckle of laughter*; a *trill of song*; a *burst of automatic fire*).

В свою очередь, эти модификаторы могут быть преобразованы в сторону увеличения или уменьшения параметров квантификации события. Например:

(12) Then, with a ***little confidential*** *chuckle of laughter*, he patted me two or three times on the chest, finally pushing me back into my chair (J. Fowles).

(13) *His dark-brown eyes burnt into mine; he took a long moment to reply. The **faintest ghost** of a **smile*** (J. Fowles).

(14) *She has a **half-smile** on her face – a smile of hopeless surrender and of secret joy* (J. Fowles).

(15) *There were a ridiculous **few** moments of **struggle**, which they easily won* (J. Fowles).

(16) *After a **long** moment's **hesitation**, he held out his hand* (J. Fowles).

Помимо указанных выше вариантов, возможно также употребление в качестве модификатора собирательного имени существительного, что влечет за собой слияние в континуум дискретно представленного события, таким образом, концепт, который ранее представлял *неограниченную и непрерывную* сущность, теперь представляет ее как *ограниченную и дискретную*. Нижеприведенные предложения иллюстрируют этот механизм:

(17) *There was the usual **chorus** of angry **shouts** from my colleagues* (A. Doyle).

(18) *I had **a number** of **replies** to my curt offer to go anywhere and to do anything* (A. Doyle).

Говоря об использовании событийных имен в качестве средства для характеристики количественных параметров события, не следует забывать, что класс событийных имен составляют не только отглагольные имена действия. Помимо данной семантико-словообразовательной группы сюда необходимо включать *отадъективные имена действия, сценарные имена и общесобытийные* имена существительные. Как и количественные параметры денотата, обозначаемого отглагольным именем действия, параметры денотата, обозначенного лексической единицей, входящей в одну из данных групп, могут быть модифицированы сходным образом. Приведем примеры:

(19) *There were minutes of **silence** then and in them I thought about the only truth that mattered* (J. Fowles) – (отадъективное имя действия);

(20) *She hesitated a moment, as if she knew she was being too cool and sibylline. There was even a faint hint of **diffidence**, a final poor shadow of a welcoming smile* (J. Fowles) – (отадъективное имя);

(21) *On my side I knew the ghost of Alison, of what had happened on Parnassus; of a flicker of **adultery**, a moment's guilt* (J. Fowles) – (сценарное имя);

(22) *Suddenly she smiled back at him, a little flash of **mischief**, of her old Sunday school self* (J. Fowles) – (общесобытийное имя).

В составе предложения в качестве номинации события могут выступать также имена существительные конкретнопредметной семантики. В ряде исследований [см., например, Диалектика текста 1999: 129–130] отмечается, что специфика функционирования предметных имен в качестве событийных заключается в том, что они, будучи изначально не предназначенными для выражения пропозитивного значения, получают пропозитивное прочтение только в определенных семантико-синтаксических условиях, и выбор одного из возможных прочтений пропозиций определяется конситуацией. В случае употребления предметного имени для номинации события, как показывает анализ языкового материала, квантифицируемость как один из параметров события также может проявляться в использовании лексем-модификаторов, изменяющих структуру события, «дробящих» целое на кванты. Приведем пример:

(23) *Bill sharply raises his finger; and before it is fully up, a remote crump. Then another. Then a faint bass roll of a **wing-cannon** (предметное имя). Three seconds' silence; then **the cannon** again* (J. Fowles).

Из контекста становится ясно, что пушка *стреляет*, однако в поверхностной структуре предложения пропозиция представлена репрезентативно: называется только участник ситуации – *wing-cannon*, который и репрезентирует целое. Но поскольку событие, даже будучи репрезентировано только частично, остается событием и продолжает обладать признаком квантифицируемости, то в данном случае существует возможность использования языковых средств и для более детального отображения исчисляемости как неотъемлемого параметра события.

Таким образом, исследование языковых данных показывает, что в современном английском языке использование различных семантико-словообразовательных групп событийных имен существительных является важным способом выражения кратности действия, позволяя менять структурную характеристику концепта,

обращать важнейшие его параметры в противоположные себе. Помимо этого, употребление событийного имени в тексте предоставляет возможность дать более подробную характеристику ряда параметров события с точки зрения такого его признака, как квантифицируемость, а именно: длительность и степень выраженности.

Возвращаясь к анализу функций событийных имен в построении новостного дискурса, заметим, что авторы статей, опубликованных в период с 11 по 15 сентября 2001 г. и комментирующих трагические события, неоднократно использовали в заголовках статей событийные имена с тем, чтобы уточнить именно количественные характеристики события. Так, например, интенсификатор *rain* в сочетании *Rain of terror* указывает на масштабность произошедшего и серьезность возможных последствий.

Понятие «война», широко использованное СМИ для описания невероятных по своей жестокости террористических актов 11 сентября 2001 г., при помощи общесобытийного имени *act* было смоделировано до масштаба локальных и кратковременных событий *Act of war; An act of war; Acts of war*. Примечательно, что из 18 подобных заголовков 10 были представлены в виде цитирования – первоначально фраза ‘*acts of war*’ прозвучала 12 сентября 2001 г. в утреннем обращении президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша: “The deliberate and deadly attacks which were carried out yesterday against our country were more than **acts of terror**. They were **acts of war**.”

О взаимовлиянии новостного и политического дискурсов, а также о возможностях использования общесобытийных имен существительных, которые наряду со сценарными именами являются эффективным средством презентации и *оценки* события, мы будем говорить в следующем параграфе нашего исследования.

2.2.2. Оценка события: взаимовлияние новостного и политического дискурсов

Помимо презентации новости и рассказа о деталях события одной из главных функций (если не самой главной) «горячей новости» как одного из основных типов подачи информации в рамках новостного дискурса является функция оценивания события (именно по этой причине СМИ нередко называют четвертой

властью, способной посредством объективного или необъективного освещения события влиять на ход событий в реальности).

Анализ материала показал, что основную роль в создании направления эмоционального восприятия события играют общесобытийные имена, многие из которых помимо семы общесобытийности имеют в своем значении оценочные семы. При этом оценка события может быть сосредоточена как на происходящем в целом (FARCE, TRAGEDY), без указания на действия участвующих в нем лиц, так и на квалифицировании действий участников события (CRIME, LUNACY, MISDEED, TRICK).

Общесобытийное имя, в семантике которого присутствует значение оценки, может быть эффективно использовано как средство, позволяющее в максимально конденсированной форме представить сложную структуру, где называемое событие одновременно служит предметом оценки. Наиболее эксплицитно данная структура представлена в конструкциях со сказуемым, а также в сочетаниях событийного имени с оценочным определением, однако конденсированная форма подачи информации более приемлема для новостного дискурса, что выражается в предпочтительном использовании именно общесобытийных имен существительных в заголовках новостных обзоров.

Таблица 2

**Сравнительный анализ
лексико-синтаксической структуры заголовков**

Сочетание событийного имени и оценочного определения / полносоставное предложение	Общесобытийное имя (+оценочное определение)
<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Unthinkable terror</i> 2. <i>Terrorist attacks horrify nation</i> 3. <i>Terrorist attacks shock nation</i> 4. <i>Terror attacks stun nation</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Nightmare</i> 2. <i>Terror nightmare</i> 3. <i>Disaster</i> 4. <i>America's tragedy</i> 5. <i>American tragedy</i> 6. <i>The update tragedy</i>

Сравним варианты заголовков, в которых террористические акты 11 сентября 2001 г. оцениваются посредством использования сочетания событийного имени и оценочного определения,

а также при помощи полносоставных предложений, в которых основную оценочную нагрузку несет глагольная лексема (левая колонка таблицы 2), и варианты заголовков, где основная аксиологическая функция возложена на общесобытийное имя (правая колонка таблицы 2).

Как известно, аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным. Принято считать, что первый тип реализуется прилагательными *хороший/плохой* либо их синонимами (*отличный/скверный*), которые выражают «холистическую оценку» и представляют некий «аксиологический итог» [Арутюнова 1998: 198].

Частнооценочные значения подразделяют на ряд категорий, а именно:

1. сенсорно-вкусовые (гедонистические) оценки;
2. психологические оценки
 - а) интеллектуальные (*интересный, увлекательный/скучный, банальный*);
 - б) эмоциональные (*радостный/печальный, приятный/ неприятный*);
 - с) эстетические (*прекрасный/безобразный*);
3. этические оценки (*добрый/злой*);
4. утилитарные оценки (*полезный/вредный*);
5. нормативные оценки (*правильный/неправильный, стандартный/аномальный*);
6. телеологические оценки (*удачный/неудачный*) [Там же].

Отсутствие в семантике общесобытийного имени указания на конкретные фактуальные элементы события способствует выдвиганию на передний план оценочных сем. Как правило, среди всех аксиологических значений приоритетными являются общая негативная либо позитивная оценка, а также частная эмоциональная и этическая оценки. В большинстве своем (исключение составляют широкозначные общесобытийные имена типа *event, action*) словарные дефиниции общесобытийных имен содержат соответствующие прилагательные, например:

Nightmare – *a frightening or horrible experience* [Hornby 1992].

Disaster – *an unfortunate event* [New Webster's Dictionary 1992]; *a great or sudden misfortune* [misfortune – an instance of *bad* luck]; *a terrible accident* [Hornby 1992].

Tragedy – a *fatal and mournful event; a murderous and bloody deed* [New Webster's Dictionary 1992]; a *tragic or sad event in real life* [Hornby 1992].

Таким образом, используя в составе заголовка общесобытийное имя, имеющее в своем значении семы оценки, авторы последующего материала уже изначально классифицируют событие, которое стало темой сообщения, соответственно определенным морально-этическим традициям данного общества, определяя тем самым дальнейшее восприятие любой информации, связанной с описанием данного события.

Исследователи новостного дискурса разграничивают три степени объективности подаваемой информации [см., например, Дерябин 1998]:

1. информация, воспринимаемая со слов очевидцев и непосредственных участников событий, отличается высокой степенью субъективности;

2. информация, предлагаемая репортером и маркируемая, с одной стороны, именем самого репортера, с другой – именем медийного средства, по характеру своей объективности занимает промежуточное положение между индивидуальным мнением «человека с улицы» и мнением эксперта;

3. наивысшей степенью объективности отличается мнение эксперта.

Подача информации в виде «горячей новости» обязывает средства массовой информации реагировать на события незамедлительно, вне зависимости от объема информации, доступной в данный момент времени. Следствием этого является использование в первичных новостных материалах неподтвержденных данных, включение в статьи и репортажи субъективных мнений очевидцев, обладающих информацией о внешних проявлениях события, но не о его причинах и реальных последствиях.

Как замечает Ю.Д. Апресян, «эмоции очень непросто перевести в слова» [Апресян 1993: 30], поскольку мир эмоций – это сложный мир внутренних ощущений, состояний, которые не всегда поддаются осознанию. Однако в отличие от весьма абстрактных понятий «disaster», «tragedy» слово, обозначающее эмоцию, позволяет каждому индивидууму на основе собственного жизненного опыта

достаточно ярко представить ситуацию, которая порождает эту эмоцию.

Опора на эмоционально-экспрессивную составляющую оценки определяет частотность использования при первичном описании события различных лексических единиц, в том числе имен существительных, обозначающих чувства, эмоциональное состояние субъекта. В общем контексте такие существительные способны приобретать значение событийности. Например, кореферентность существительного *horror*, использованного в качестве заголовка развернутому описанию события, которое следует ниже, способствует переходу данного существительного в класс событийных имен.

Представляется, однако, что использование подобных событийных имен в структуре новостных материалов возможно лишь на первоначальном этапе, поскольку эмоциональная оценка уступает место рационалистической. Последующие комментарии событий должны содержать иные, более сдержанные, оценки происшедшего. Так, например, значимость оценки события в регулировании общественного мнения многократно увеличивается, если авторы новостного материала высказывают не частное – достаточно субъективное – мнение своего печатного/электронного

издания или телеканала, но тиражируют позицию официальных органов власти.

Выше была высказана мысль о том, что одна из особенностей новой реальности, создаваемой масс-медиа, заключается в ее базировании не на реально происходящих событиях, но на отражении, реагировании на действия, в создании некоторого нового «зазеркального» мира, где с первого взгляда все выглядит реальным и настоящим, однако зеркало может зачастую исказить истинный образ, искривляя, несуразно увеличивая или уменьшая настоящие пропорции. Эта особенность медийного дискурса широко эксплуатируется в целях пропаганды и создания необходимого настроения в обществе.

Мнение, высказанное лицом, которое наделено верховной властью в данном социуме, всегда сравнимо с мнением эксперта. Например, подготовленное выступление главы государства, до определенной степени лишенное индивидуальности, призвано обозначить истинное положение вещей (в данной работе мы не рассматриваем вопрос о разнохарактерности стратегий прочтения новостного дискурса реципиентом и степени доверия предлагаемой информации).

Следовательно, в целях повышения уровня собственной объективности средства массовой информации так или иначе обязаны ссылаться на мнение официальных лиц, высказанное в отношении того или иного события. Таким образом, происходит взаимовлияние политического и новостного дискурсов: масс-медиа используют мнение представителей официальных органов власти для подтверждения объективности предлагаемой информации; государственные институты, в свою очередь, посредством СМИ создают необходимый фон общественного мнения для решения определенных внутри- и внешнеполитических задач. Обратимся к конкретным примерам.

Масштабность трагедии 11 сентября 2001 г. определила характер реагирования официальных лиц на произошедшее. Непосредственно в день трагических событий, а также на следующий день, 12 сентября, с обращениями к нации (полный текст речей представлен в *Приложении 3*) выступали в общей сложности, помимо главы государства – президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша – более десяти высокопоставленных официальных лиц,

включая Генерального прокурора, советника президента, мэра г. Нью-Йорк, губернатора округа Колумбия, руководителя Департамента здравоохранения (HHS), руководителя Департамента чрезвычайных ситуаций (FEMA) и др. Каждое из этих обращений было направлено на то, чтобы осветить официальную позицию властей в отношении данных событий.

Характер случившегося – внезапность события, его масштабы, драматизм ситуации и, как следствие, отсутствие объективной информации – объясняет некоторую осторожность в определении произошедшего. Как показывает хронология событий 11 сентября 2001 г., первое официальное заявление главы государства относительно случившегося последовало уже через 45 минут после первого крушения самолета, т.е. очевидно, что реакция официальных властей в тот момент времени базировалась на относительно ограниченном объеме информации. Приведем выдержку из данного выступления.

(24) **Remarks by the President After Two Planes Crash Into World Trade Center**

9:30 A.M. EDT

Emma Booker Elementary School

Sarasota, Florida

<...> Today we've had a **national tragedy**. Two airplanes have crashed into the World Trade Center in an apparent terrorist attack on our country. I have spoken to the Vice President, to the Governor of New York, to the Director of the FBI, and have ordered that the full resources of the federal government go to help the victims and their families, and to conduct a full-scale investigation to hunt down and to find those folks who committed **this act**. <...> (<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010911.html>).

В своем выступлении президент довольно осторожно характеризует произошедшее, называя событие «this act». Однако, несмотря на отсутствие исчерпывающей информации о случившемся, президент посчитал возможным классифицировать данные события – крушения самолетов и разрушение зданий Всемирного торгового центра – как национальную трагедию, поскольку, очевидно, что результат – количество человеческих жертв – не изменится от того, было ли происшедшее преднамеренным террористическим актом или трагическим стечением обстоятельств.

Второе заявление главы государства, последовавшее несколькими часами позднее, отличается большей резкостью и жесткостью.

(25) Remarks by the President Upon Arrival at Barksdale Air Force Base

11.40 A.M. EDT

Barksdale Air Force Base

Freedom itself was attacked this morning by a faceless coward, and freedom will be defended. I want to reassure the American people that the full resources of the federal government are working to assist local authorities to save lives and to help the victims of these attacks. Make no mistake: The United States will hunt down and punish those responsible for these **cowardly acts**. <...> (<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010911.html>).

Риторика пострадавшей стороны (national tragedy), отражающая настроение растерянности и хаоса, *начинает* сменяться риторикой стороны, готовой выступить на защиту собственных национальных интересов. Нейтральное определение «this act» получает новую оценку: «these cowardly acts». Однако степень конденсированности оценки еще не достигла своего пика (аксиологическую функцию выполняет широкозначное общесобытийное имя *act*, не имеющее в своей семантике оценочных сем, в сочетании с оценочным определением *cowardly*), что объясняется все еще недостаточным объемом фактологической информации. В подтверждение наших слов приведем выдержку из выступления пресс-секретаря Белого дома на дневном брифинге 11.09.2001 г.:

(26) Press Briefing to the Pool By Ari Fleischer

Aboard Air Force One

1:47 P.M. EDT

Mr. Fleischer: And, needless to say, all elements of the United States government are now doing their part, not only to help those who have been hurt, but to collect information, to analyze it and to provide it to the President.

Question: Does the President now know anything more about who is responsible, the coordinated attack, and whether this is it or –

Mr. Fleischer: That information is still being gathered and analyzed. And I anticipate that will be an ongoing process for a little while. Often, at a time like this, information comes in, it turns out not

to be true. The proper procedure is to carefully, thoroughly evaluate all information and do so in a ...? (<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010911.html>).

Вследствие отсутствия всей необходимой информации официальная позиция властей не объявляется в течение достаточно продолжительного времени (более пяти часов). В 19:15 проводится брифинг с участием генерального прокурора, а также руководителей федеральных департаментов здравоохранения, транспорта и Департамента по чрезвычайным ситуациям. Ниже приводятся выдержки из выступлений данных официальных лиц (полный текст представлен в *Приложении 3*).

(27) Press Briefing by Attorney General, Secretary of HHS, Secretary of Transportation, and FEMA Director

Press Briefing by Attorney General John Ashcroft, Secretary of HHS Tommy Thompson, Secretary of Transportation Norm Mineta, and FEMA Director Joseph Allbaugh

The Briefing Room

7:15 P.M. EDT

Attorney General Ashcroft: Today America has experienced one of **the greatest tragedies** ever witnessed on our soil. **These heinous acts of violence** are an assault on the security of our nation. We will not tolerate **such acts**. We will expend every effort and devote all the necessary resources to bring the people responsible for **these acts, these crimes**, to justice. Now is the time for us to come together as a nation to offer our support, our prayers for the victims and for their families, for the rescue workers, for law enforcement officials, for every one of us that has been changed forever by **this horrible tragedy**. The following is a summary of the known facts surrounding **today's incidents**. <...> The full resources of the Department of Justice <...> are being deployed to investigate **these crimes** and to assist survivors and victim families. <...> The FBI has established a website where people can report any information **about these crimes**. <...> Individuals can report any information they know about **these crimes** to that website. It takes courage for individuals to come forward in **situations** like this <...>. We will find the people responsible for **these cowardly acts**, and justice will be done.

Secretary Thompson: <...> And every one of us at this time expresses our deepest sympathy to the victims of **today's tragedies**, and

their families. It is now our mission to begin the healing from **this tragedy**. <...> Our primary job is to make sure Americans, harmed by **this tragedy**, get the help that they need. <...>

Director Allbaugh: <...> This afternoon, as you know, the President did declare New York City a **disaster**. I have named Ted Moquette the Federal Coordinating Officer. He will be my personal representative on the ground during the duration of **this incident**. (<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010911.html>)

Анализ скрипта выступлений показывает, что несмотря на официальный статус, данные лица не уполномочены объявить *новую* позицию государства относительно данных событий, вследствие чего в своих выступлениях эти официальные лица были вынуждены обозначить данные события либо с нейтральных позиций, либо с позиции, уже подтвержденной более ранним выступлением главы государства. Относительное исключение составляет речь генерального прокурора страны, которая помимо указанных выше позиций содержит несколько более распространенное определение ситуации с точки зрения этической оценки действий виновников происшедшего (these **heinous acts of violence**; these **crimes**).

Тем не менее, общий фон оценки представляется еще достаточно разнородным. Сравнивая количество общесобытийных широкозначных имен, не распространенных оценочными определениями (нейтральная позиция), количество общесобытийных имен, использованных для общего оценивания ситуации (с точки зрения пострадавшей стороны), и число общесобытийных имен, имеющих резко негативную коннотацию и выполняющих частнооценочную функцию (оценка действий виновных в происшедшем с морально-этических позиций данного социума) (табл. 3), можно прийти к выводу, что четко выработанная стратегия реагирования на случившееся еще не определена.

Сравнительный анализ оценочных номинаций

Нейтральная позиция	Пострадавшая сторона
today's events today's incidents situations like this this incident such acts these acts	one of the greatest tragedies this horrible tragedy today's tragedies this tragedy (2) disaster

Кульминационным моментом, эмоциональным пиком оценки ситуации становится выступление президента США Дж. Буша со специальным обращением к нации (ср. в первых двух случаях выступления были обозначены как «Remarks...», новое выступление озаглавлено «Statement...») по прошествии почти 11 часов с момента первого крушения самолета (через час после упомянутого выше брифинга), когда первые результаты расследования показали, что произошедшие события в действительности представляют собой тщательно спланированные террористические акты. Приведем несколько отрывков из данного обращения.

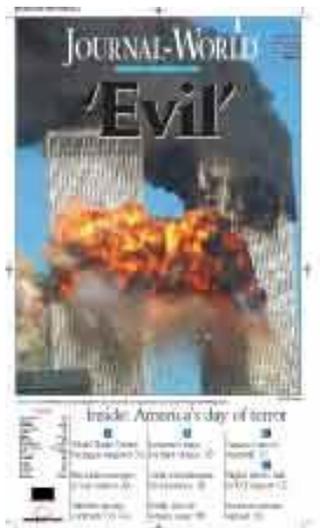
(28) **Statement by the President in His Address to the Nation**
8:30 P.M. EDT

<...> Today, our fellow citizens, our way of life, our very freedom came under attack in a series of **deliberate and deadly terrorist acts**. <...> Thousands of lives were suddenly ended by **evil, despicable acts of terror**. <...> **These acts of mass murder** were intended to frighten our nation into chaos and retreat. But they have failed; our country is strong. <...> **These acts** shattered steel, but they cannot dent the steel of American resolve. <...> *Today, our nation saw **evil**, the very worst of human nature.* <...> The search is underway for those who are behind **these evil acts**. <...> We will make no distinction between the terrorists who committed **these acts** and those who harbor them. <...> And I pray they will be comforted by a power greater than any of us, spoken through the ages in Psalm 23: "Even though I walk through the valley of the shadow of death, I fear no evil, for You are with me." (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/1539328.stm>).

Текст данного обращения насыщен разнообразными средствами обозначения утренних событий, однако центральной оценкой становится общесобытийное имя *evil* (sin; **wrongdoing**; the contrary of goodness; a thing that causes harm; a disaster [Hornby 1992]).

Давая резкую оценку утренним событиям, глава государства по существу намечает политическую стратегию будущих ответных действий, заручается поддержкой населения, переводя общественное сознание в русло понимания, что любые действия официальных властей будут являться частью общей борьбы со злом. Тем более очевидным становится идеологический подтекст данного выступления, позднее растиражированного в виде цитат средствами массовой информации, если принять во внимание, насколько велико влияние традиционных христианских ценностей в данном обществе.

Именно по этой причине глава государства использовал в своем выступлении цитату из Библии, один из наиболее известных стихов, обычно сопровождающий процесс погребения усопшего, но в данном случае несущий двойную нагрузку: а) дань жертвам террористических актов; б) внедрение в общественное сознание мысли о необходимости и праведности борьбы с организациями, странами (точнее, политическими режимами), ответственными за эти злодеяния.

Более четко данная мысль была сформулирована в следующем публичном выступлении президента утром 12 сентября.

(29) Remarks by the President In Photo Opportunity with the National Security Team

September, 12

The Cabinet Room

10:35 EMD

<...> The deliberate and deadly attacks which were carried out yesterday against our country were **more than acts of terror**. They were **acts of war**. <...> (<https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010911.html>).

Ведение нового понятия «war» в оценку ситуации изменяет весь ракурс восприятия событий. Сценарное имя существительное

«война» характеризуется специфической актантной семантико-ролевой валентностью – агенсно-пациенсной (как, впрочем, и большинство сценарных имен), что намечает возможную смену «лидерства» среди участников события (если фрейм сценарного имени «terror», которое тоже обладает агенсно-пациенсной валентностью, предполагает неравноправие действующих сторон: жертва и палач, то существительное «war» вызывает в сознании типичную модель события, где смена роли победителя и побежденного вполне вероятна и возможна).

И несмотря на то, что эксплицитно заявление о будущих возможных военных действиях против членов каких-либо террористических организаций не прозвучало, тем не менее, рефреном в этом выступлении президента США звучит фраза: «**This will be a monumental struggle of good versus evil. But good will prevail**» (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/1540544.stm>).

Стремясь выглядеть объективными источниками информации, большое количество изданий в той или иной форме (полная цитата или цитирование формулировки «acts of war» в различных видах: «act of war», «an act of war», «acts of war») опубликовало выдержки из данного заявления Дж. Буша.

Некоторые средства масс-медиа, цитируя речь главы государства, самостоятельно подытоживают основной тезис выступления

и детализируют понятие «война» за счет введения эксплицитно обозначенного пациенса. Поскольку актантная валентность сценарного имени «war» двунаправлена, в качестве распространителя возможно использовать обозначение как той, так и другой участвующей стороны (народ Соединенных Штатов Америки vs. террористические организации).

Неделю спустя наметившаяся смена диспозиций сторон становится очевидной. Выступление Дж.У. Буша на объединенной сессии Конгресса США 20 сентября 2001 г. полностью посвящено одной цели – аргументированно доказать необходимость осуществления военной операции в отношении ряда террористических организаций. Событийное имя «war» эксплицитно актуализирует здесь двунаправленность своей валентности: сначала пострадавшей стороной выступает Америка, несколькими абзацами ниже происходит смена ролей субъекта и объекта в агенсно-пациенсных отношениях:

(30) **“We Are a Country Awakened to Danger and Called to Defend Freedom.”**

(The text of President George W. Bush’s address to a joint session of Congress on the evening of September 20, 2001)

(1) <...> On September the 11th, **enemies of freedom committed an act of war against our country.** <...> Americans have known the casualties of war, but not at the center of a great city on a peaceful morning. <...>

(2) <...> **Our war on terror begins with al Qaeda**, but it does not end there. <...> Now, **this war will not be like the war against Iraq** a decade ago, with a decisive liberation of territory and swift conclusion. It will not look like the air war above Kosovo two years ago, where no ground troops were used and not a single American was lost in combat. (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/1555641.stm/>)

В своем рождественском обращении к нации президент, вспоминая основные события уходящего года и среди них начало военных действий на территории Афганистана, которое последовало менее чем через месяц после трагических событий 11 сентября, вместо понятия «war» снова возвращается к формулировке «evil», поскольку атмосфера главного христианского праздника требует соответствующей риторики:

(31) <...> Many thousands of our fighting men and women will spend Christmas far from home, accepting hardship and danger to protect us all. We are grateful to every military family for the sacrifice they are making for America. We owe them much. <...> The year now ending saw **a few acts of terrible evil**. It also saw **many more acts of courage and kindness and love**. And these reflect the great hope of Christmas – a light shines in the darkness, and the darkness shall not overcome it. <...> (<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=24987>).

Подобное противопоставление двух плоскостей – добра и зла – вызывает неизбежное возникновение установки в сознании отдельного реципиента и общества в целом на положительное восприятие и одобрение действий государственных органов власти в независимости от существования целого ряда негативных последствий этих действий.

Таким образом, различные структуры и компоненты, организующие новостной дискурс, в том числе и использование событийных имен, зачастую служат выражением определенной идеологии, которая может быть представлена в данном дискурсе как явно, так и косвенно, имплицитно. Ключевой методикой считывания истинного значения того или иного фрагмента дискурса может быть, вероятно, только систематический анализ сравнительно большого (с точки зрения временной протяженности) отрезка дискурса.

Такой анализ позволяет объяснить, каким образом разного рода идеологии как «фундаментальные представления/убеждения какой-либо социальной группы и ее членов» [Dijk 2001: 5], влияют на речевые практики, и какую важную роль выполняют некоторые типы дискурсов (в данном случае новостной дискурс) в социальном воспроизводстве идеологии.

Как показали исследования, новостной дискурс, регулярно воспроизводящий фрагменты политического дискурса, т.е. дискурса как социальной практики правящего слоя общества, выступает не просто отражением/транслятором определенной идеологии, но и сам формирует, организует идеологию, структурируя общественное сознание через отбор событий реальности, достойных описания и представления, через нагнетание атмосферы сенсационности и невероятности происшедшего (или намеренное

занижение значимости события) посредством экспрессивно-эмоционального, но не рационалистического оценивания событий.

Референтное событие, существование которого ограничено рамками объективной реальности, казалось бы, не должно изменяться в каких бы то ни было из своих характеристик. Тем не менее, обозначение референтного события разными группами событийных имен дает возможность переводить одно и то же референтное событие в разряд нескольких идей-событий (ср.: *terror attacks, event, incident, tragedy, disaster, nightmare, horror, crime, acts of terror, acts of violence, evil, war*). Каждая такая идея-событие формируется в зависимости от текущих потребностей членов определенной социальной группы – носителей идеологии.

Подобное манипулирование общественным сознанием, в конечном счете, имеет одну цель – достичь максимального контроля над управляемой группой и минимального уровня конфликтности между разными социальными группами в обществе.

2.2.3. Связность дискурса на уровне пространственно-временной макроструктуры

Референтное событие, будучи комплексным образованием, которое включает ряд обязательных элементов (познающий (и оценивающий) субъект, пространственно-временные параметры, участники, изменение), всегда воспринимается как единое целое, но языковая репрезентация события может фокусироваться на отдельном элементе события, например, на временном или пространственном.

Поскольку, как признают многие исследователи, события есть неотъемлемая составляющая динамической картины мира (которая противопоставляется статичному, предметно-пространственному восприятию мира) и являются, прежде всего, временными сущностями, обратимся, в первую очередь, к анализу событийных имен как одного из способов организации темпоральной макроструктуры дискурса.

Если рассматривать событие в широком смысле, то есть как все то, что происходит и имеет место в мире (включая процессы и действия), мы сталкиваемся с проблемой характеристики события с точки зрения его длительности. Многие исследователи придерживаются мнения, что событие может быть рассмотрено и как

мгновенное изменение положения дел, как точка на оси времени, а следовательно, завершённое целое, и как ситуация, характеризующая некоторой, порой весьма длительной, временной протяжённостью (столетняя война) [см., например, Тихонова 2002].

На основе собственного жизненного опыта каждый человек может подтвердить, что всякое событие, в конечном итоге, можно разложить на несколько составляющих, на несколько других, более мелких, событий, действий. В особенности это касается масштабных, глобальных событий, которые становятся референтами новостного дискурса.

Вспомним концепцию В.Я. Шабеса, о которой мы писали выше в связи с уточнением определения понятия «событие». Напомним, что согласно данной концепции, всякое событие есть реализация ряда микрособытий: событию предшествует некоторое другое событие, его следствием также может быть некоторое другое событие.

Подобное «квантуемое» представление о событии приводит к возникновению расхождений в когнитивном восприятии длительности референтных событий, временного интервала, который занимает то или иное событие, и, значит, к возможности сосуществования различных способов языковой репрезентации референтного события с точки зрения его продолжительности.

Говоря о временном параметре события, следует различать понятие времени вообще и времени конкретного события. Время «вообще» есть одно из основ всех научных и бытовых представлений человека об окружающем мире, о Вселенной и о самом себе.

В разные исторические эпохи и в разных философских течениях под временем понимали некую форму индивидуального сознания (Беркли, Юм, Мах), время рассматривали как априорную форму чувственного содержания (последователи Канта), время считали элементом абсолютного духа (сторонники Гегеля).

Но если философы-идеалисты отрицали зависимость времени от материи, материалисты, напротив, не допускали постановки знака равенства между временем и формами индивидуального сознания. Тем самым материалисты подчеркивали объективный характер времени и его неотделимость от материи.

Человеческие представления и понятия о времени абсолютны и относительно одновременно. Абсолютность связана с признанием

объективной реальности времени как одной из основных форм существования движущейся материи, а относительность выражается в том, что человеческие представления о времени неполны, изменчивы, зависят от естественнонаучных данных о свойствах времени.

Время – это такая категория, которая может менять свое смысловое наполнение в зависимости от того, к какому роду предметов она приложима, т.е. существует время физических процессов (реальное, физическое время) и «человеческое» время (историческое, социальное, психологическое), если вопрос касается истории развития социума, духовной жизни индивидуума. Таким образом, одна из основных дихотомий, в рамках которой рассматриваются различные возможные определения времени вообще, представлена оппозицией «объективное vs. субъективное время» или «время измеряемое vs. время переживаемое».

«Человеческое» время (в этом прослеживается его основное отличие от физического) неоднородно, в нем есть выделенные «точки» – значительные события: мгновенья радости и счастья или моменты позора и скорби. Эта отличительная черта «человеческого» времени создает основу существования особого языка, насыщенного метафорами, выражающими эмоции и настроения. В пределах такого понимания времени и такого языка возможно существование эмоциональных оценок времени, а точнее тех событий, которые насыщают данный временной интервал.

Исследования показывают, что во многих языках существует возможность посредством слов и выражений, которые в своем первоначальном значении обозначают отрезок времени, временной интервал (минута, час, день, год, столетие, эпоха и др.), обозначать также события, происходящие на данном отрезке времени (расскази про воскресенье = «про то, что произошло, произойдет в воскресенье»), что трактуется исследователями как перенос по смежности [Падучева 2000]. Следовательно, подобные темпоральные существительные, способные на основе метонимического переноса выступать обозначениями событий, входят в состав событийных имен. Именно эта подгруппа событийных имен, в первую очередь, способна выступать средством организации темпоральной макроструктуры текста. Обратимся к рассмотрению конкретных примеров.

Как и в предыдущих разделах данной главы проведем анализ функционирования событийных имен в качестве средства организации новостного дискурса (в данном случае, его временной макроструктуры) на материалах, описывающих события 11 сентября 2001 г.

Первой точкой, определяющей разночтение в восприятии событий этого дня, становится глобальность произошедшего. По официальным данным, в этот день произошло четыре террористических акта, повлекших за собой многочисленные человеческие жертвы в результате крушения четырех авиалайнеров, а также обрушения нескольких зданий, в том числе двух небоскребов, входящих в комплекс Всемирного торгового центра. Каждое из этих «микрособытий» составили общую трагическую картину дня. Поскольку все они происходили «по цепочке» с небольшими интервалами, временная последовательность произошедшего может быть построена не только на основании указания точного времени каждого события, но также посредством называния предыдущего/последующего события (с использованием предлогов времени). В этом случае имеет место метонимический перенос СОБЫТИЕ → ВРЕМЯ. Например:

(32) • *A half-hour after the second crash*, American Flight 77 took off from Washington, D.C.'s Dulles Airport en route to Los Angeles, California, carrying 58 passengers and six crew members – but crashed into the Pentagon instead. *Less than an hour after the third crash*, United Flight 93 en route from Newark, New Jersey, to San Francisco crashed near Shanksville, Pennsylvania, with 38 passengers and seven crew aboard.

- Huge chunks of debris falling from remains of World Trade Center towers *more than six hours after the crashes*. Firefighters could get no closer than 2 blocks from the burning hulk.

- Federal Emergency Response Plan is implemented immediately *after first attack*, according to White House. All U.S. embassies and U.S. forces around the world are put on high alert.

- U.S. stock markets close *after the New York attacks* and will remain closed Wednesday.

(<http://www.cnn.com/2001/US/09/11/america.under.attack/index.html>).

Если в первых двух примерах помимо событийных имен в качестве индикаторов временных точек служат также существительные

чистой темпоральной семантики, то в двух других – в этих целях используются только событийные имена существительные, изначально не имеющие темпорального значения.

Обратный процесс мы наблюдаем в том случае, когда имя чистой темпоральной семантики приобретает значение событийности и выступает как обозначение целостного события.

Согласно хронологии событий 11 сентября 2001 г., все четыре террористических акта произошли утром в течение чуть более часа (примерно в 8:45–10:10). Рассматриваемое в отдельности каждое событие, тем не менее, представляет собой единичный фрагмент общего глобального события, что позволяет объединить их в единых временных рамках. Однако субъективное восприятие количественного аспекта реального физического времени приводит к существованию различных языковых обозначений временного параметра данного события:

Вероятно, что под обозначением «darkest hour» подразумеваются именно крушения авиалайнеров, но в эти временные рамки не входят другие «микрособытия». Расширение временных рамок и, тем самым, включение в общее событие дополнительных составляющих возможно за счет использования более обобщающего темпорального имени «morning». Самое широкое временное обозначение «day», по-видимому, охватывает не только события, непосредственно связанные с террористическими актами, но также

события, находящиеся с данными событиями в причинно-следственных отношениях, как то: реакция официальных властей, предпринимаемые действия по оказанию помощи пострадавшим и т.п.

Таким образом, «квантуемость» как неотъемлемая характеристика референтного события и существование его в сложной сети взаимосвязей с другими событиями, а также избирательность человеческого восприятия действительности определяют возможность и необходимость сосуществования различных способов лингвистического обозначения временных границ того или иного фрагмента реальности, которое именуется событием (даже в пределах одного типа языковых средств).

Определения, используемые при темпоральных именах, получающих значение событийности, как правило, характеризуют не сам временной промежуток, а событие, заключенное в рамках этого отрезка времени, т.е. выступают в качестве оценочных эпитетов: *Darkest hour*; *Darkest day*; *America's darkest day* (dark – hopeless and sad; evil; gloomy [Hornby 1992]). И даже, казалось бы, нейтральные определения, стандартно согласующиеся с темпоральными существительными, могут актуализировать некоторое оценочное значение, например, прилагательное, использованное в превосходной степени: *The longest day*.

Оценка события может даваться посредством сложной конструкции, включающей как темпоральное существительное со значением событийности, так и другое событийное имя, несущее негативные/позитивные коннотации. Высока частотность использования в подобных конструкциях лексем, выражающих эмоциональное состояние, например: *Day of horror*; *A day of horror*; *A day of infamy*; *New day of infamy*; *A new day of infamy*.

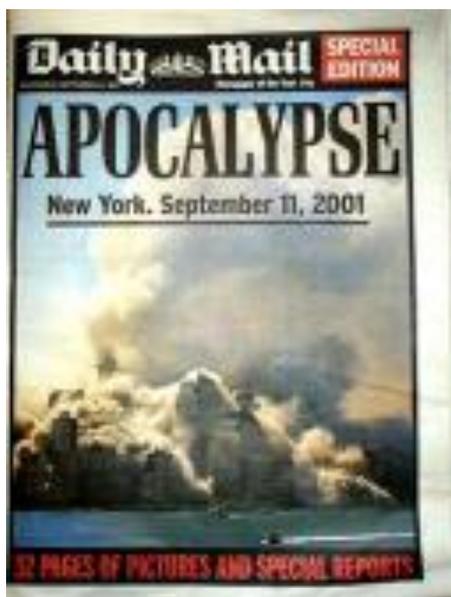
Все вышеприведенные примеры дают представление о некотором событии как о единице, фрагменте бытия. Однако онтологическая категория времени (так же как и пространства) характеризуется дуализмом свойств, ей присущи внутренние противоречия: с одной стороны, время бесконечно, с другой стороны, оно складывается из конечной длительности отдельных событий. Время есть единство прерывности и непрерывности. Таковы характеристики физического времени.

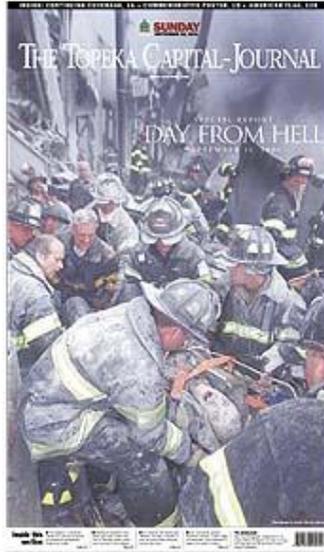
Что касается времени «человеческого», то его человек воспринимает принципиально иначе, поскольку природа человека не

дает возможности бесконечного существования, для нас нет бесконечности. Человек ощущает время как нечто заканчивающееся вместе с ним, отсюда популярность эсхатологических теорий, предупреждающих неизбежный конец Бытия.

По всей видимости, определение места глобальных событий в системе «начало мира – бытие – конец света», метафорическое сравнение всех масштабных бедствий и катастроф с «концом света» является характерной чертой социума, основы морали и нравственности которого строятся на христианских ценностях.

Вероятно, событийное имя «Apocalypse» следует относить к группе сценарных имен, так как понятие, обозначаемое данной лексемой, есть не что иное, как описание сценария развертывания события – «конца света». В общем событийном контексте близкое значение получает также слово «hell». Вместе с тем, помимо собственно событийного значения эти существительные имеют в своей семантике значение темпоральности и оценочности. Обозначение референтного события с помощью данных событийных имен помогает определить место события в общей модели культуры этого социума.

На наш взгляд, наиболее нейтральной формой представления события через обозначение его временных границ является использование в связном контексте имени существительного чистой темпоральной семантики без оценочного определения, а также обозначение события посредством использования календарной даты.

Безусловно, многократное массовое употребление такого способа обозначения конкретного события приводит к появлению определенного рода ассоциаций, связанных с той или иной датой. Однако принципиальное отличие этого способа именованя события заключается в том, что изначально он не задает направление восприятия события, он не классифицирует данное событие среди ряда подобных, однотипных, не стереотипизирует его, а значит, придает новостному сообщению, особенно такому жанру новостного дискурса, как «комментарий», дополнительную степень объективности.

Темпоральная макроструктура дискурса зачастую организуется в непосредственном взаимодействии с пространственной макроструктурой. В качестве временных индикаторов могут выступать обозначения места события. В такой ситуации происходит

двойное смещение: МЕСТО → СОБЫТИЕ и МЕСТО СОБЫТИЯ → ВРЕМЯ СОБЫТИЯ. Например, фраза ведущего одного из ток-шоу на канале BBC World начиналась словами: «*After the Twin Towers the world around us changed and...*».

Возможность и частотность использования такого способа обозначения события определяется уровнем знания аудиторией деталей происшедшего. На этапе презентации новости подобная форма «ссылки» на событие представляется маловероятной. Однако позднее, при широком освещении деталей события средствами массовой информации, такая форма обозначения события становится весьма удобна, если учесть основные постулаты, максимы принципа кооперативности Грайса: высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется; следует избегать ненужного многословия.

Именованное целое события через обозначение только его пространственных границ возможно в том случае, если событие отмечено *особой* уникальностью (при том, что всякое событие есть уникальная данность). Топографическая «привязка» события, т.е. использование топонимов для обозначения события, напрямую зависит от масштабности происшедшего и, как правило, особой трагичности события. Например:

(33) **Sept. 11** will now stand along **Pearl Harbor** and **Oklahoma City** as one of the most infamous days in the history of our nation (вводная фраза одной из статей на веб-сайте благотворительной организации) (<https://topdocumentaryfilms.com/september-11-new-pearl-harbor/>).

Такой способ обозначения события позднее может использоваться в качестве метафорических сравнений при описании целого ряда других событий, сходных с первоначальным событием по каким-либо признакам. Так, например, в одном из своих выступлений президент США определил события 11 сентября 2001 г. как «second **Pearl Harbor**». Подобное метафорическое сравнение вызывает у человека, знающего обстоятельства событий, произошедших на военной базе Перл Харбор, массу ассоциативных представлений, например, о вероломности нападения, о количестве человеческих жертв.

Такого рода метафоризация топонимических обозначений событий возможна благодаря насыщенности образа ситуации,

передаваемого этими событийными именами. Фокусирование внимания реципиента на том или ином элементе ситуации может каждый раз вызывать новое представление о целом событии.

Как замечает Е.С. Кубрякова, положение о возможности по-разному представить смысл ситуации при каждом новом ее описании стало «общим местом когнитивной грамматики», при этом видение ситуации в разных ракурсах зависит от личностных установок человека, в фокусе внимания которого оказываются разные компоненты ситуации, а концентрирование внимания на определенных аспектах происходящего профилирует разные элементы события [Кубрякова 2000б: 91].

Таким образом, *событие может быть представлено через профилирование различных элементов его онтологической структуры*, в том числе таких элементов, как участники и познающий субъект. Репрезентация события как комплексной целостности посредством обозначения его участников (как одной из основных составляющих онтологической модели события), а также отображение субъекта, познающего и оценивающего событие, будет предметом исследования в следующем параграфе нашей работы.

2.2.4. Персонально-референтная макроструктура новостного дискурса

Порождая новую реальность, масс-медиа опираются на эффект «удвоения» одного из основных компонентов онтологической модели события – познающего субъекта. Стратегия презентации события посредством СМИ базируется на обязательном разделении такого элемента события, как «познающий субъект», на два компонента – активный и пассивный, рассказчик и реципиент. Несимметричность данной сферы коммуникации – одни всегда говорят, другие всегда слушают – порождает определенные конструктивные особенности данного типа дискурса. Такая модифицированная модель коммуникации определяет все существование средств массовой информации.

Подобная асимметрия существует и в некоторых других типах дискурсов, например художественном, однако художественное произведение всегда воспринимается как субъективное мнение автора, которому верят, если благодаря своему мастерству он

способен создавать «жизненное» произведение. Задача средств массовой информации иная – им должны верить и доверять всегда, в противном случае достижение основной цели – манипулирование общественным сознанием («влияние на умы и сердца») – вряд ли возможно.

В попытке создать эффект максимальной объективности средства масс-медиа, выступающие в роли активного субъекта, истинная цель которого не познание, а транслирование образа события (нужного той социальной группе, в интересах которой существует данное СМИ), вынуждены прибегать к нескольким основным технологиям:

1. ссылка на мнения очевидцев события, а также экспертов (например, известных, влиятельных политиков);
2. создание соответствующего имиджа собственного медийного средства («имя работает на вас»);
3. объективное освещение событий через максимально нейтральный рассказ о деталях происшествия (показ фото- и видеоматериалов, фиксирующих фрагменты реальной действительности).

Успешность первых двух технологий тесным образом связана с проблемой автора данного конкретного фрагмента дискурса. М. Фуко, детально исследовавший проблему имени автора, приходит к выводу, что именно автор есть источник смыслов, наполняющих произведение [Фуко 1996]. В своей работе М. Фуко также подчеркивает, что авторское имя не тождественно обычному имени собственному, поскольку является не просто элементом дискурса, способным быть субъектом или объектом, заменяться местоимением и т.п., а выполняет определенную роль по отношению к повествовательному дискурсу, оно несет на себе функцию классификации, группируя вместе некоторое количество текстов. Авторское имя обозначает появление определенного единства в дискурсе и указывает на статус этого дискурса внутри общества и культуры

Множественное цитирование высказываний того или иного известного и влиятельного человека приводит к созданию плотной сети интертекстуальных связей между разными фрагментами дискурса и появлению особого типа макроструктуры внутри новостного дискурса – персональной макроструктуры. Подобное цитирование высказываний предполагает также знание реципиентом

основных стереотипов поведения данного конкретного лица. Например, данный политик имеет привычку эпатировать публику, и следовательно, его весьма громкие заявления по какому-либо вопросу, по сути, не имеют политического веса.

Выше мы приводили ряд примеров использования событийных имен в выступлениях президента Соединенных Штатов Америки Дж. Буша. Как показывает практика, всякое публичное выступление официального лица такого ранга, а также любые предпринимаемые им действия становятся предметом пристального внимания средств массовой информации. Заметим, что персональная макроструктура дискурса создается не только прямым цитированием конкретного высказывания, но также простым называнием авторского имени, в различных его вариациях, в том числе и посредством использования событийных имен-оказионализмов.

Так, например, корреспондент газеты *The Moscow Times* Дана Милбанк (*Dana Milbank*) публикует 29.05.2002 г. статью под заголовком *Travels Yield Several Bushisms*, где довольно иронично рассказывается об официальном турне президента США по Европе, в ходе которого он не раз нарушал своими действиями (в том числе, высказываниями) строгий протокол дипломатических встреч. Дешифровка смысла подобного оказионализма реципиентом возможна лишь в том случае, если ему известны основные стереотипы поведения данного лица и стандартные схемы речевого поведения этого человека. Использование такого событийного имени способствует кооперированию разрозненных фрагментов дискурса в некий общий конгломерат, центром которого, контрапунктом, становится авторское имя.

Помимо ссылок на мнения знаменитостей (посредством прямого цитирования их высказываний или названия имен этих людей), которые а priori считаются источниками достоверной информации, а также «объективизируют» всякую информацию, совпадающую с мифосхемой, сложившейся в сознании реципиента относительно устойчивых практик поведения данного известного человека, для создания эффекта собственной объективности средства масс-медиа широко используют прием «показа реальной действительности».

Достижения технического прогресса позволяют сегодня вести репортажи с места события и транслировать их в режиме онлайн, таким образом как бы давая возможность зрителям новостной передачи присутствовать на месте события и самим составить мнение о происшествии.

Однако обычно в таких случаях показываются последствия происшедшего, и видеоряд служит лишь фоном для рассказа о деталях события. Достаточно редко репортерам удается запечатлеть и показать само событие. Одним из приемов, который позволяет расширить временные рамки репортажа и вернуться к моменту совершения события, является прием «опроса очевидцев», который используется в совокупности с показом реального места события.

Эмоциональное описание очевидцами всех деталей события, в том числе участников и их действий, вместе с показом соответствующего видеоматериала, создает «эффект включенности» реципиента в событие. Приведем примеры подобного эмоционального описания события его очевидцами.

(34) ***Suddenly, another massive explosion. Now it was the North Tower. The tower appeared to buckle somewhere above its midpoint, then to collapse down. More screams from the onlookers in Jersey City. Another massive plume of smoke rushing upward and also in all directions from the tower. More chaos among the small ferry boats still in the river, where the water was weirdly sparkling in the bright morning sunlight*** (Richard Lacayo, TIME Magazine Senior Writer; <http://911proof.com/11.html>).

(35) *I was one who wanted a better look. I wanted to get closer. And the price I paid was leaving my shoes in the middle of a pile of suffocating bodies. At the Wall St. train stop people were covered with papers. **A plane crash. That's what everyone said. Then a boom.** Everyone ran. I ran to my office and called my brother in the Midwest. I wanted to be closer. At the corner of Church and Broadway, I angled my way through a large, packed crowd to get the best view. We talked about people jumping. The police stood behind the yellow tape. Minutes later, **there was a boom.** I thought it was a bomb, so I crouched, but people ran, so I ran. I couldn't see anything. I don't know how far I ran (Penelope Trunk, Columnist, Business 2.0; <http://911proof.com/11.html>).*

Событийные имена, используемые в качестве синтаксического ядра номинативного высказывания, придают особенную динамичность повествованию, обозначая события, воспринимаемые как действительно происходящие в момент речи. Приведенные примеры подтверждают, что высказывания этого типа характеризуются конкретной референцией, временной и пространственной локализованностью.

Использование событийных имен в номинативных конструкциях создает эффект «кинематографичности», придает таким высказываниям свойство непосредственной перцептивности, максимально вовлекая читателя в сферу описываемых автором событий. Отсутствие возможности сопроводить текст дополнительной внетекстовой визуальной информацией, как это происходит в рамках художественного дискурса, дает основание более широко использовать подобные номинативные конструкции.

Анализ лингвистического материала показывает, что частотность использования номинативных конструкций с событийными именами определяется идиостилем автора, а также художественными задачами конкретного фрагмента дискурса.

В первую очередь следует отметить потенциал номинативных конструкций с событийными именами в обеспечении прогрессии текста. Приведем ряд примеров, где имеет место использование имени существительного, которое берет на себя функцию номинации события без непосредственного использования глагола:

(36) And then unseen, uneasy, flapping above them, trying to make noises, his Forsyte spirit watched her balance on the log, her pretty figure swaying, smiling down at the young man gazing up with such strange shining eyes; slipping now – a-ah! falling, o-oh! sliding down his breast; her soft, warm body clutched, her head bent back from his lips; **his kiss; her recoil; his cry** “You must know – I love you!” Must know – indeed, a pretty – –? Love! Hah! (J. Galsworthy).

Наше внимание сразу привлекает конвергенция приемов, которыми воспользовался автор, желая показать нарастание эмоционального напряжения в хорошо известной сцене объяснения в любви Босини к Ирэн в романе «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Немалую роль в осуществлении прогрессии текста играет введение событийных имен, это позволяет организовать макси-

мальную компрессию текста, описать в нескольких строках бурю, шквал эмоций, захлестнувших героев.

Следующие два примера мы находим у Дж. Фаулза, чей роман «Дэниел Мартин» написан через несколько десятилетий после романа Дж. Голсуорси, но ситуация и прием, позволяющий сконденсировать событие и довести ситуацию до определенного эмоционального пика, сходны:

(37) *How long they would have sat like this, **his fondling, more kisses, whispers**... there was a distant cry, from far below, the farm. They froze.*

'Na-an. Na-an?'

Mrs. Reed wailing for her.

Nancy clasped her hand to her mouth and leant away; began to do herself up. 'Oh lawky, it's mum.'

*They heard the voice cry again, half a mile away down beyond the beechwood; the voice of the righteous and deceived, accusing their wickedness. It was all blurred then, beastly; **hastily agreement** that he would stay out of sight for another quarter of an hour, you could see the Pulpit Rock from the meadow opposite the farm, Mrs. Reed might be there looking back, two heads would be catastrophe; what Nancy should say, what pretend; **a frantic licking** of her handkerchief and rubbing the last of the cochineal from her lips (and his), **a frantic last kiss**... then she was creeping away, her head bent low, through the bracken towards the edge of the beechhangar (J. Fowles).*

Интересно, что на примере этого отрывка можно выявить, как прием использования событийного имени в качестве средства событийной номинации придает определенную «рубленность» фразе и позволяет автору на синтаксическом уровне добиться эффекта торопливости, суетливости, лихорадочности, с которой двое влюбленных подростков расстаются, боясь быть застигнутыми матерью девушки. Несомненно, использование такой синтаксической конструкции стилистически более привлекательно, нежели употребление, пусть даже и повторное, лексических единиц *frantic* (лихорадочный, отчаянный) и *hastily* (торопливо).

Продолжительность и обширность пространства наблюдения являются предпосылками образования цепочек номинативных высказываний, отражающих восприятие конкретного объекта.

(38) *There came a longer silence. Jenny drank some of her Guinness, then stared across the room at the bar. Dan hated it, he had come determined not to allow this. But from the first moment, the first sight of her, she was already waiting for him, her aloneness in the empty pub, an outdoor coat and the basket beside her; the taut smile, relief that he had appeared, resentment; a token kiss on the cheek, a banal exchange over her insistence (they were back in London) that she should buy the drinks... any chance of being natural had vanished immediately in the artificial naturalness they had both assumed. She spoke, still staring across the bar. 'Every day I wonder what you're doing. Even though I know what a devious, lying bastard you are.'* (J. Fowles).

Как видно из этого примера, целые цепочки событий синтаксически сворачиваются в одно единственное предложение, и семантически конструкция становится чрезвычайно насыщенной, что позволяет автору сделать данное предложение смысловым центром текста.

Анализ языкового материала показывает, что сходную функцию способны выполнять **бытийные конструкции с вводным there**, в которых подлежащее выражено бытийным именем. Такие конструкции также имеют ряд особенностей. Рассмотрим следующие примеры:

(39) *There was a tap at the door, a bull's bellow from within, and I was face to face with the Professor* (A. Doyle).

(40) *There was hesitation on her end. 'How'd you know I was here?'* (J. Grisham).

(41) *There was a brief knock at the door and Marcia appeared* (J. Grisham).

(42) *Suddenly, just as we reach the vessel, there is a shout behind us. It is Professor Challenger, who had promised to see us off* (A. Doyle).

(43) *There was a hush over the hall, the students rigid with delight at seeing the high gods of Olympus quarrelling among themselves* (A. Doyle).

(44) *Suddenly there was a touch at my elbow* (A. Doyle).

Подлежащее, выраженное **отглагольным именем действия**, на самом деле представляет собой семантический предикат, а фактический исполнитель действия зачастую указан лишь

имплицитно, например, через притяжательное местоимение (40), или в следующей синтагме (41, 43), а возможно, и в следующем предложении (42).

Определив семантический субъект и предикат, мы, таким образом, можем перевести латентную форму предиката в эксплицитную: (39) *I tapped at the door...*; (40) *She hesitated...*; (41) *Marcia knocked at the door...*; (42) *Professor Challenger shouted behind us...*; (43) *The students hushed being rigid with delight...*; (44) *Somebody touched my elbow*. Тем самым оказывается «восстановленным» ядерный тип событийной номинации – двусоставное предложение с полнозначным глаголом.

Однако использование вводяще-бытийных конструкций с событийным именем – отглагольным именем действия – выполняет определенную задачу. Даже если в предложении показана повторяемость действия на протяжении определенного отрезка времени, отглагольное существительное указывает на однократность и кратковременность действия, что представляется сложно выполнимым при использовании глагольного сказуемого с обычным субъектом, так как в современном английском языке, в отличие, например, от русского языка, не существует особых глагольных аффиксов (стучал – постучал, касаться – коснуться) для выражения кратности действия.

От вводяще-бытийных конструкций с отглагольными именами действия отличаются предложения, где формальное подлежащее выражено **сценарным именем**. Например:

(45) <...> *half-way through the morning she [Adelaide] had had felt a sudden need for Will, although she had expressed the need simply by being unpleasant to him. Then there had been the horrible spectacle of that Mrs. Greensleave both patronizing Will and flirting with him, while Will simpered and answered back like a pert servant and let her paddle her hands in his hair* (I. Murdoch).

В отличие от рассмотренных выше примеров, здесь восстановление двусоставной структуры предложения с полнозначным глаголом представляется затруднительным, так как, во-первых, к группе сценарных имен относятся не только отглагольные дериваты, но и неотглагольные существительные, что не всегда позволяет однозначно «конвертировать» имя в глагол (*spectacle* → ?); во-вторых, одним из свойств сценарных имен является наличие у

них специфической актантной валентности – агенсно-пациенсной, которая указывает на то, что действие как бы «поделено» между участниками события, поэтому выделить «исполнителя» действия сложно. Таким образом, выбор вводяще-бытийной конструкции с событийным именем снова оказывается более предпочтительным, чем использование двусоставного предложения с полнзначным глаголом.

В художественном тексте возможно совмещенное использование разных типов событийной номинации. В рамках одного высказывания нередко встречаются различные варианты комбинации бытийной конструкции с вводным *there*, односоставного номинативного и двусоставного предложений, в структуру последнего, вероятно, также может быть включено событийное имя:

1. вводяще-бытийная конструкция + односоставное номинативное предложение: (46) [There was long *applause* from inside, one or two *cries*]; [then the *murmur* of Slavonic voices] (J. Fowles);

2. одно двусоставное предложение + одно односоставное номинативное предложение: (47) [Some young schoolchildren came in], [a *babble* of voices] (J. Fowles);

3. одно двусоставное предложение + несколько односоставных предложений: (48) [They passed close by us], [a *wave* and a *hi*] (J. Fowles); Diana had of course *seen* what had happened between him and Lisa. (49) [It must have been fairly obvious]: [those *looks*], [those *sighs*], [those *shuddering*s], [those *almost-touches*] (J. Fowles);

4. несколько двусоставных предложений + одно односоставное предложение: (50) [She smiled, still searching his eyes for some confirmation of her own doubts]; [a final *pretence* of defenselessness now], [as if she had been unfairly teased] (J. Fowles);

5. несколько двусоставных предложений + несколько односоставных предложений: (51) [They heard the sound of the tractor coming down with Mary and Louise]: [One swift *kiss*], [one intense *look* from those shadowed blue-violet eyes], [then she was running to the barn door, out and down the side back to the house] (J. Fowles);

6. вводяще-бытийная конструкция + одно/несколько двусоставных предложений + одно/несколько односоставных номинативных предложений: (52) [How long they would have sat like this], [his *fondling*], [more *kisses*], [*whispers*...] [there was a distant *cry*, from far below, the farm]. They froze (J. Fowles).

Все приведенные выше примеры показывают, что сочетание в рамках одного предложения односоставной и двусоставной конструкций, несомненно, приводит к изменению ритмики текста, к выделению фрагмента на общем фоне повествования.

Еще одной особенностью употребления событийных имен в качестве средств, воссоздающих сцену события с кинематографической точностью, является использование лексем, обозначающих перцептивно воспринимаемые изменения, т.е. такие изменения состояния объектов, которые сопровождаются шумовыми эффектами либо воспринимаются визуально. Вероятно, передача звукового комплекса позволяет наиболее адекватно описать ситуацию, поскольку звук – признак динамики, т.е. действия, изменения, что является неотъемлемым компонентом события как онтологической данности.

Таким образом, событийные имена существительные являются важным средством организации персонально-референтной структуры дискурса, позволяющим повысить уровень влияния на когнитивную систему реципиента.

2.2.5. Событийные имена как средства профилирования дискурса

Представляется, что сравнительное изучение относительно однородного материала может выявить относительную частотность использования определенных групп событийных имен при построении медийного дискурса.

В качестве материала для подобного исследования проведем выборку фрагментов новостного дискурса, представленных заголовочными комплексами, размещенными на обложке англоязычного журнала *The Economist* за период с января по декабрь 2017 г. *The Economist* является еженедельным изданием новостной направленности, где среди основных освещаемых тем выделяют политические события и международные отношения, в том числе финансовые и деловые. Издание выходит в свет с 1843 г. В 2012 г. общий тираж издания составил более 1,5 млн экземпляров, однако на сегодняшний день серьезной популярностью пользуется электронная версия издания, размещаемая на портале <https://www.economist.com/>. Издание относится к категории

качественной прессы, рассчитанной на высокообразованную аудиторию.

Высокая частота выхода издания в течение одного календарного года (еженедельное издание – 50 номеров в год) позволяет провести весьма репрезентативную выборку лингвистического материала (см. табл. 4).

Таблица 4

**Частотность использования событийных имен
в заголовочных комплексах, размещенных на обложке
журнала The Economist (январь – декабрь 2017 г.)**

№ п/п	Название номера журнала	Дата выпуска	Событийное имя (наличие + / отсутствие –)	Тип профилирования
1	Sharp power (the new shape of Chinese influence)	Dec 16 th 2017	+	Изменение
2	The corruption of South Africa	Dec 7 th 2017	+	Изменение
3	Yemen (The war the world ignores)	Nov 30 th 2017	++	Пространство, оценка (сценарий)
4	The case for taxing death	Nov 25 th 2017	+	Оценка (общая)
5	What they don't tell you about climate change	Nov 16 th 2017	+	Изменение
6	Endangered (America's future as a global power)	Nov 11 th 2017	+	Участник, пространство
7	Social media's threat to democracy	Nov 4 th 2017	+	Изменение
8	A tsar is born	Oct 28 th 2017	+	Участник

9	Left behind (How to help places hurt by globalisation)	Oct 21 st 2017	+	Изменение
10	The world's most powerful man	Oct 14 th 2017	+	Участник, пространство
11	The bull market in everything (Are asset prices too high?)	Oct 7 th 2017	+	Участник
12	Europe's new order	Sep 30 th 2017	+	Оценка (сценарий)
13	Does China play fair?	Sep 23 rd 2017	-	-
14	Closing in on cancer (New therapies, new priorities)	Sep 16 th 2017	+	Изменение
15	Nowhere to hide (What machines can tell from your face)	Sep 9 th 2017	-	-
16	Floods (How to deal with them)	Sep 2 nd 2017	+	Оценка (сценарий)
17	The puzzle of political Islam	Aug 26 th 2017	+	Оценка (общая)
18	<i>Нет текстового заголовка (изображение президента США Д. Трампа с атрибутикой общества Ку-клукс-клан)</i>	Aug 19 th 2017	+	Участник
19	Roadkill	Aug 12 th 2017	+	Участник
20	It could happen	Aug 5 th 2017	-	-

21	Venezuela in chaos (What the world should do)	Jul 29 th 2017	+	Оценка (общая)
22	The future of learning	Jul 22 nd 2017	+	Изменение
23	Liu Xiaobo , China's conscience	Jul 15 th 2017	+	Участник
24	The German problem (Why its surplus is damaging the world economy)	Jul 8 th 2017	+	Оценка (общая)
25	Trump's America (A special report on a divided country)	Jul 1 st 2017	+	Участник
26	Modi's India (The illusion of reform)	Jun 24 th 2017	+	Участник, изменение
27	Europe's saviour ?	Jun 17 th 2017	+	Участник
28	Terror and the Internet	Jun 10 th 2017	+	Оценка (общая)
29	Britain's missing middle	Jun 3 rd 2017	-	-
30	Ocean warning	May 27 th 2017	+	Изменение
31	Why Israel needs a Palestinian state	May 20 th 2017	-	-
32	Macron's mission	May 13 th 2017	+	Участник
33	The world's most valuable resource	May 6 th 2017	-	-
34	How life ends	Apr 29 th 2017	-	-
35	Handle with extreme care	Apr 22 nd 2017	+	Изменение

36	Turkey's slide into dictatorship	Apr 15 th 2017	++	Изменение, оценка (сценарий)
37	Why computers will never be safe	Apr 8 th 2017	-	-
38	The negotiator	Apr 1 st 2017	+	Участник
39	Amazon's empire	Mar 25 th 2017	+	Пространство
40	On the up	Mar 18 th 2017	-	-
41	Quantum leaps	Mar 11 th 2017	+	Изменение
42	The next French revolution	Mar 4 th 2017	+	Оценка (сценарий)
43	Clean energy's dirty secret	Feb 25 th 2017	+	Оценка
44	Sex and science	Feb 18 th 2017	-	-
45	Courting Russia	Feb 11 th 2017	++	Изменение, участник, пространство
46	An insurgent in the White House	Feb 4 th 2017	++	Деятель, пространство
47	In retreat	Jan 28 th 2017	+	Изменение
48	<i>Нет текстового заголовка (изображение президента США Д. Трампа в костюме XVIII в.)</i>	Jan 21 st 2017	+	Участник
49	Lifelong learning	Jan 14 th 2017	+	Изменение
50	How we are talking	Jan 7 th 2017	-	-

В качестве критериев анализа были выбраны следующие параметры:

1. синтаксическая структура заголовочного комплекса (слово-сочетание/предложение);
2. наличие/отсутствие событийного имени в заголовочном комплексе;
3. лексико-семантический тип событийного имени;
4. тип профилирования (акцентуации) событийной модели как схематического репрезентатора референтного события.

Анализ приведенных выше заголовочных комплексов выявил целый ряд тенденций (закономерностей), которые представляются весьма показательными. В соответствии с перечисленными выше параметрами приведем анализ частотности использования событийных имен в заголовочных комплексах конкретного издания за указанный период.

От общего количества примеров (39 из 50 примеров) 78% составляют заголовки, представленные словосочетаниями, что, безусловно, объясняется общим требованием к компактности формы заголовка. В двух случаях (примеры 48 и 18) – 4% – на обложке представлено изображение, вводящее тематику номера, однако текстовое заглавие отсутствует (ниже мы прокомментируем данные примеры более детально). Заголовки, оформленные предложением (полносоставным или усеченным), встречаются в 18% случаев (9 примеров из 50).

Общие количественные данные по частотности использования событийных имен в рассматриваемых фрагментах медийного дискурса можно проанализировать следующим образом:

1. наличие событийного имени – 78% примеров (39 из 50);
2. наличие событийного имени в заголовках-словосочетаниях – 95% (37 примеров из 39), заголовки-предложения – 5% (2 случая из 39 выявленных);
3. использование событийного имени более 1 раза в одном заголовочном комплексе – 10% (4 примера из 39).

Наибольший интерес однако представляет лексико-семантическая характеристика выявленных событийных имен, и, как следствие, доминирующие векторы профилирования медийного дискурса.

Самыми частотными являются случаи использования событийных имен, обозначающих аспект «*изменение*» (см. примеры 1, 2, 5, 7, 9, 14, 22, 26, 30, 35, 36, 41, 45, 47, 49) – 33% (15 примеров из 45 случаев эксплицитного использования событийных имен). С точки зрения лексико-грамматических характеристик, данные единицы в большинстве случаев являются отглагольными существительными, что объясняет превалирование семантики процессности в их лексическом значении. Подобная «плотность» использования событийных имен в акцентировании элемента «процесс, изменение» вполне очевидна, поскольку данный элемент является базисным для онтологической модели события как кванта бытия.

Соотносимым по приоритетности выстраивания является и вектор «*участники события*» (см. примеры 6, 8, 10, 11, 18, 19, 23, 25–27, 32, 38, 45, 48) – 32% (14 примеров из 45). Однако следует оговориться, что в отличие от предыдущего случая, мы наблюдаем, как нам кажется, интересный фактор, влияющий на восприятие реципиентом конкретного фрагмента дискурса. В двух примерах (18 и 48) на обложке издания не представлен текстовый заголовок, однако имеется однозначно интерпретируемое изображение – «президент США Дональд Трамп», что с учетом феномена внутреннего проговаривания не может не породить явление профилирования дискурса в его персонально-референтной структуре.

Безусловно, ведущей лексико-семантической группой при профилировании персонально-референтной структуры медийного дискурса следует считать имена собственные (в данном фрагменте дискурса – имена ведущих политиков-лидеров своих стран).

Не многим менее частотным является указание на *общую оценку события* (10 примеров из 45, т.е. 22%). Частным случаем оценки канвы события, несомненно, выступает сценарий (*war* – пример 3, *dictatorship* – пример 36, *revolution* – пример 42), поскольку сценарий всегда включает и коннотативный элемент (ассоциативный потенциал, позитивная/негативная оценка).

Пространственно-временная макроструктура профилируется только в части пространственных характеристик события (6 случаев из 45, или 13%), что вполне объясняется характером самого исследуемого материала – заголовки на обложке журнала,

где указаны выходные данные, в том числе и дата публикации, что снимает необходимость акцентуации временного элемента.

Крайне интересными представляются случаи дублирования в использовании такого ресурса, как событийные имена, когда в одном небольшом по формату тексте встречаются несколько данных единиц: **Turkey's** (1) **slide** (2) into **dictatorship** (3) – Сползание Турции в диктатуру (пример 36); **Courting** (1) **Russia** (2) – Ухаживание за Россией (пример 45). Подобные словосочетания становятся экстраполисемантическими, разворачивают многоуровневые векторы давления на картину восприятия реципиента, становятся высоко компрессивными манипулятивными текстами.

Выводы по главе 2

Анализ функционирования событийных имен в новостном дискурсе современных масс-медиа показывает, что данная группа имен существительных выполняет важную роль в построении этого типа дискурса, являясь средством формирования его основных семантических макроструктур: пространственно-временной и персонально-референтной.

Использование событийных имен существительных в новостном дискурсе обусловлено общей стратегией построения данного дискурса, а именно:

1. обозначение главной темы сообщения и презентация события;
2. рассказ о подробностях происшествия;
3. комментирование причин случившегося и определение дальнейшего плана действий по ликвидации последствий происшедшего.

Особенности новостного дискурса определяют выбор репрезентируемого материала и основные формы его подачи. Одной из приоритетных форм подачи материала является «горячая новость». Специфика такого типа подачи материала обуславливает выбор основных форм презентации события, таких как:

- яркость, броскость заголовка новостного сообщения (минимализм формы при максимальной конденсации значения);
- первичная эмоционально-экспрессивная презентация события со слов очевидцев (новость должна оставаться «горячей»).

Все это объясняет превалирование на этапе презентации события сценарных имен существительных, позволяющих создать в

когнитивной системе реципиента образа события и задающих весь ход последующего развертывания дискурса, а также имен существительных общесобытийной семантики, выполняющих аксиологическую функцию.

Функционирование событийных имен в качестве средства общей положительной/негативной оценки события, а также эмоциональной и этической оценки отражает общую особенность новостного дискурса современных масс-медиа как специфического способа структурирования и интерпретации объективной реальности – идеологизированность, создание «нужного» образа события.

Личностные установки индивидуума становятся основой преднамеренного (идеологические установки) или непреднамеренного профилирования того или иного элемента события, что позволяет одно и то же событие описывать и воспринимать по-разному.

Акцентирование пространственно-временных параметров события приводит к возможности функционирования событийных имен в качестве средства организации темпоральной и пространственной макроструктур дискурса.

Персонально-референтная макроструктура новостного дискурса строится, исходя из специфики данной сферы коммуникации, главная задача которой – транслирование заданного образа события. Создание эффекта объективности предлагаемой информации достигается за счет ссылки на мнение авторитетного эксперта в данной области (новостной дискурс «подпитывается» авторскими дискурсами известных личностей), а также за счет включения реципиента в событие через репортаж непосредственно с места события.

Расширение временных и референтных границ репортажа с места события возможно через введение в материал репортажа «достоверного» рассказа очевидцев события. Эмоционально насыщенный рассказ свидетелей события, использование специфических синтаксических конструкций при описании события (номинативных конструкций с событийными именами; вводяще-событийных конструкций с событийными именами) позволяет достичь эффекта непосредственной перцептивности и глубокой личной вовлеченности реципиента в сферу описываемых событий.

Подобная «кинематографичность» конструкций с событийными именами часто используется также в качестве особого стилистического приема авторами художественных произведений, что позволяет организовать конденсированный, событийно насыщенный, драматичный фрагмент текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была предпринята попытка исследования дискурсоорганизующих функций событийных имен существительных.

Прежде чем перейти к исследованию функционирования событийных имен в построении дискурса, необходимо было дать определение понятия «событие», поскольку выделение группы событийных имен основывается на общности их семантики – присутствии в значении каждой такой единицы архисемы «событие».

Согласно основным посылкам когнитивно-дискурсивного подхода к изучению частей речи, который был положен в основу нашего исследования, событийные имена существительные рассматриваются как симбиотическое представление двух противоположных способов категоризации человеческого опыта, объединяя в своей семантике полюсные значения предметности и событийности.

С целью уточнения понятия «событие» был проведен критический анализ научных работ, в которых данное понятие изучалось как с логико-философских и когнитивных позиций, так и с позиций взаимодействия понятий «событие» и «текст». В результате проведенного анализа было установлено, что событие представляет собой сложное целое, каждая составляющая которого обладает собственными специфическими характеристиками: с одной стороны, событие может рассматриваться как онтологическая данность, с другой – как нечто, не существующее вне мысли и текста.

Размытость границ понятия «событие» объясняет многообразие существующих критериев выделения событийных имен, однако основными критериями, позволяющими наделить конкретную лексическую единицу статусом событийного имени, являются:

а) адекватное соотношение значения данного существительного с моделью события как онтологической единицы (модель события как онтологической данности является основой построения фреймовой модели значения событийного имени);

б) кореферентность имени существительного с событием, детально представленным в лингвистическом или социокультурном контексте.

Цель исследования – выявление особенностей функционирования событийных имен существительных в дискурсе – обусловила необходимость уточнения понятия «дискурс» и определения его места в ряду соположенных понятий «язык», «речь», «текст». В настоящей работе в качестве базового принято определение дискурса как семиотического пространства, включающего в себя представления о типичных моделях поведения, стандартных формах речевого реагирования, характерных для конкретного типа коммуникации, и все множество текстов, созданных в рамках данной сферы коммуникации.

Объект исследования – событийные имена – определил выбор конкретного типа дискурса, на материале которого проводился детальный анализ дискурсоорганизующих функций этой группы имен существительных – новостной дискурс. Природа данного типа дискурса обуславливает повышенную плотность использования событийных имен в его «ткани», что способствует возможности изучения функционирования событийных имен на сравнительно однородном лингвистическом материале.

Появление новых информационных технологий, а также отказ от линейного принципа подачи информации предопределили появление новой «гибридной» формы существования новостного дискурса – слияние информационного потока разнородных средств массовой информации в единый новостной дискурс современных масс-медиа.

Однако новый формат существования не изменяет традиционности данной сферы коммуникации, основной целью которой (как всякой другой коммуникации) является создание в когнитивной системе реципиента неких конструкций, «моделей мира», которые соотносились бы с «моделями мира» автора, т.е. построение сети координат, позволяющих воспринимать действительность и строить соответствующий образ мира.

Дискурс как коммуникативно-когнитивный континуум есть целостность, существующая во взаимодействии ряда семантических макроструктур, являющихся отражением основных универсальных категорий: время, пространство, изменение, причина и т.п. (именно этими категориями образована сама сеть координат, посредством которых создается некий образ мира).

Наличие в структуре дискурса такой семантической макро-структуры, как персонально-референтная, в основе которой лежат литературоведческие категории автора и героя, объясняется особенностями дискурса как комплексного явления, в самом общем виде описываемого формулой «текст + экстралингвистические факторы».

Таким образом, дальнейшее исследование дискурсоорганизуемых функций событийных имен существительных проводилось с учетом объективно существующих взаимосвязей трех конструкторов:

1. общей модели события как онтологической единицы (основные компоненты: познающий субъект, агенс, пациенс, пространство, время, изменение);

2. фреймовой модели значения событийного имени (основные компоненты: познающий субъект, пространственно-временные параметры, агенсно-пациенские характеристики, цель, причина, следствие, оценочный компонент);

3. семантических макроструктур (основные типы: пространственно-временная и персонально-референтная), определяющих существование дискурса как коммуникативно-когнитивного континуума.

В ходе исследования было установлено, что использование событийных имен существительных в новостном дискурсе обусловлено общей стратегией построения данного типа дискурса.

Проведенное исследование показало, что повышенная плотность использования событийных имен наблюдается на этапе презентации события и его первичной оценки (общей положительной/негативной, эмоциональной, этической).

Однако, как показал анализ материала, не только специфика конкретного типа дискурса влияет на выбор определенного языкового средства, в данном случае событийных имен, но и сами событийные имена способны влиять на план развертывания дискурса. Так, например, на этапе презентации события использование сценарного имени в заголовке новостного материала определяет фактуальную насыщенность нижеследующего материала.

Результаты исследования подтверждают правомерность со-вмещенного анализа трех вышеназванных конструкторов (общей модели события как онтологической единицы, фреймовой модели

значения событийного имени и семантических макроструктур дискурса). Событийные имена существительные являются важным средством организации таких основных макроструктур новостного дискурса, как пространственно-временная и персонально-референтная, и обеспечивают когерентность всех фрагментов дискурса.

Полагаем, что проведенный анализ функционирования событийных имен в новостном дискурсе современных масс-медиа открывает новые перспективы в исследовании данного языкового явления, а также в исследовании дискурса как сложной когнитивно-коммуникативной целостности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербальных и деадъективных существительных // Филол. науки. 1973. № 4. С. 40–46.
2. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века (лингвофилософский аспект языка СМИ). М., 2011. 391 с.
3. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1986. № 3. С. 208–223.
4. Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
5. Арнольд И.В. Современная лингвистика и теория контекста // Межвуз. сб. Л., 1990. Вып. 3: Вопросы английской контекстологии. С. 13–19.
6. Арутюнова Н.Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание: К 60-летию Р.А. Будагова. М., 1972. С. 188–199.
7. Арутюнова Н.Д. О синтаксических разновидностях прозы // Сб. науч. трудов МГПИИЯ. 1973. Вып. 73. С. 183–189.
8. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 383 с.
9. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983. 198 с.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, факт, событие. М., 1988. 338 с.
11. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Речевые действия. М., 1994. С. 106–117.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. 893 с.
13. Афанасьева О.В. Новые подходы к изучению частей речи // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации): Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е.С. Кубряковой по тематике ее исследований. М., 1997. С. 6–10.
14. Баранов А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990. С. 166–177.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами): В 2 т. М., 1993. Т. 1. 320 с.; Т. 2. 320 с.

16. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994. 330 с.
17. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. 470 с.
18. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. 384 с.
19. Бахтин М.М. К вопросам самосознания и самооценки // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. 731 с.
20. Башкуева М.Н. Структурно-семантические особенности группы существительных в современном английском тексте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 211 с.
21. Белошапкина В.А., Менькова Н.В. Пропозитивная семантика сложного предложения (количественный аспект) // Филологический сборник: (к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). М., 1995. С. 53–61.
22. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 447 с.
23. Бисималиева М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» // Филол. науки. 1999. № 2. С. 78–85.
24. Блох М.Я., Семенова Т.Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. М., 2001. 192 с.
25. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филол. науки. 2001. № 4. С. 79–86.
26. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. 252 с.
27. Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. М., 1983. 262 с.
28. Бульгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.
29. Бульгина Т.В., Шмелев А.Д. Идентификация событий: онтология, аспектология, лексикография // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 108–114.
30. Вендлер З. Причинные отношения // НЗЛ. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 264–276.
31. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 776 с.
32. Войсунский А.Е. Метафоры Интернета // Вопросы филологии. 2001. № 11. С. 64–79.
33. Володина Л.В. Конструирование реальности средствами массовой коммуникации // Российская массовая культура конца

XX века. Вып. 15. Материалы круглого стола 04.12.2001 г. Санкт-Петербургского филос. общества. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/volodina/masscult_03.html (дата обращения: 01.02.2018).

34. Вольф Е.М., Романова Г.С. Семантика общесобытийных существительных и их роль в тексте // Грамматический строй и стилистика романских языков. Калинин, 1979. С. 18–25.

35. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 228 с.

36. Воркунова И.И. Вводяще-бытийная конструкция в современном английском языке и ее роль в тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 21 с.

37. Фригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. труды. М., 1986. 594 с.

38. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1996. 572 с.

39. Гак В.Г. Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 77–83.

40. Гак В.Г. Типология лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 230–294.

41. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. 763 с.

42. Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. 352 с.

43. Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // НЗЛ. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 57–78.

44. Гафарова Г.В. Когнитивный аспект представления лексики в функционально-семантическом словаре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1996. 21 с.

45. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М., 1979. 200 с.

46. Говердовский В.И. Контекст как источник семантических коннотаций // Исследования по семантике (Семантика слова и словосочетания). Межвуз. науч. сб. Уфа, 1984. С. 133–141.

47. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 350 с.

48. Гуревич В.В. Семантическая производность в грамматике. М., 1988. 101 с.

49. Гуревич В.В. Семантическое противопоставление глагола и существительного // Языковая личность: Проблема значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 36–43.
50. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля. М., 1983. 225 с.
51. Даниленко В.П. Ономаσιологическое направление в грамматике. Иркутск, 1990. 440 с.
52. Данилович А.В. Номинативная и текстообразующая функции событийных имен // Взаимодействие структурных и функционально-семантических аспектов языка. Минск, 1983. С. 36–41.
53. Дейк Т.А. ван. Анализ новостей как дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 111–161.
54. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.
55. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста // Методы анализа текста. М., 1982. Вып. 2. 90 с.
56. Дерябин А. Нарратив новостей // Дискурс: коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7. С. 60–63.
57. Джигоева А.А. Синтаксизация имени и номинативность английского языка. М., 1995. 96 с.
58. Диалектика текста / Под ред. проф. А.И. Варшавской. СПб., 1999. Т. 1. 328 с.
59. Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. Сборник обзоров. М., 2000. 232 с.
60. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. М., 2001. 326 с.
61. Жаботинская С.А. Части речи и распаковка смыслов семантического континуума бытия // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации): Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е.С. Кубряковой по тематике ее исследований. М., 1997. С. 25–31.
62. Жаботинская С.А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань, 2000. С. 15–21.
63. Жаналина Л.К. Уточнения к основаниям классификации номинативных единиц (предметные и признаковые имена) // Филол. науки. 1995. № 2. С. 71–79.

64. Заботкина В.И. О когнитивно-прагматическом подходе к лексикологическим исследованиям // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации): Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е.С. Кубряковой по тематике ее исследований. М., 1997. С. 31–34.

65. Зельберг Ю.Б. Имена действия в парадигме предложения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 17 с.

66. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.

67. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.

68. Ильин И.П. Дискурс; Дискурсивные практики [Статьи] // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. М., 1996. С. 49–50.

69. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014. 320 с.

70. Ирисханова О.К. Семантика событийных имен в языке и речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 24 с.

71. Ирисханова О.К. Некоторые особенности категоризации отглагольных имен существительных // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань, 2000. С. 62–69.

72. Ирисханова О.К. О путях категоризации в отглагольных именах существительных: есть ли у каждой привычки своя «отвычка»? // Филология и культура: Материалы III Международной научной конференции. Тамбов, 2001. Ч. 2. С. 48–51.

73. Казаков В.П. Имена действия в грамматике и словаре // Филол. науки. 1993. № 3. С. 102–106.

74. Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи. Свердловск, 1990. 158 с.

75. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.

76. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. 311 с.

77. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 216 с.

78. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. М., 1999. 414 с.

79. Кибрик А.А. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. 334 с.

80. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

81. Кодухов В.И. Языковые единицы и контекст. Л., 1973. 213 с.

82. Козлова Л.А. Семантико-синтаксические особенности существительных-интенсификаторов в современном английском языке // Проблемы семантической структуры и функционирования лексических единиц (на материале романо-германских языков). Иваново, 1982. С. 60–70.

83. Козлова Л.А. Текстобразующие потенции видовременных форм глагола (на материале английского языка) // Текстобразующие потенции языковых единиц и категорий. Барнаул, 1990. С. 59–69.

84. Козлова Л.А. Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке. Барнаул, 1997. 200 с.

85. Коряковцева Е.И. Деривационные процессы и направление мотивации в словообразовательных парах «глагол – имя действия» // Филол. науки. 1993. № 3. С. 107–114.

86. Коряковцева Е.И. Статус имени действия // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 55–66.

87. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Субъективная модальность как начало дискурсии // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова: Тезисы докл. М., 1995. С. 238.

88. Котарьбинский Т. Избранные произведения. М., 1963. 911 с.

89. Котюрова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь, 2017. 204 с.

90. Кох В.А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // НЗЛ. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 149–171.

91. Кривченко А.В. Предложение как средство событийной номинации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987. 23 с.

92. Крипке С. Тождество и необходимость // НЗЛ. Вып. XIII. 1982. С. 340–377.

93. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1978. 200 с.
94. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978. 115 с.
95. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. 156 с.
96. Кубрякова Е.С. Лексикализация грамматики: пути и последствия // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 16–24.
97. Кубрякова Е.С. Противопоставление имен и глаголов как важнейшая черта организации и функционирования языковых систем // Теория грамматики: Лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990. С. 29–50.
98. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. СЛЯ. 1994. Т. 53. № 2. С. 3–15.
99. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на систему частей речи // Словарь. Грамматика. Текст: Сборник статей. М., 1996. С. 218–224.
100. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997. 331 с.
101. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: Обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. Сборник обзоров. М., 2000а. С. 7–25.
102. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000б. С. 84–92.
103. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Материалы научной конференции. М., 1997. С. 3–18.
104. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
105. Купер И.Р. Гипертекст как способ коммуникации. URL: <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj1-2-00kuper.html> (дата обращения: 03.03.2017).
106. Лаптева Н.А. Бессоюзное сложное предложение и его роль в организации дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 26 с.

107. Леденева В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филол. науки. 2001. № 5. С. 36–41.
108. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. 272 с.
109. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. 269 с.
110. Лысенкова Е.Л. К обоснованию идиостилистики перевода // Язык и культура: Материалы международной научной конференции (г. Москва, 14–17 сентября 2001 г.). М., 2001. С. 282.
111. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.
112. Марчук Ю.Н. Прикладная лингвистика в конце XX в. Сборник обзоров. М., 1980. 317 с.
113. Межкатегориальный переход понятий и обогащение лексики. Уфа, 1985. 80 с.
114. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. 151 с.
115. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М., 1997. 158 с.
116. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. 406 с.
117. Мурясов Р.З. Лексико-грамматические разряды в грамматике и словообразовании // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 56–70.
118. Нахимова Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2011. С. 29–30.
119. Николаева Т.М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М., 1980. С. 198–210.
120. Ноздрин Л.А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 47 с.
121. Ноздрин Л.А. Поэтика грамматических категорий. Курс лекций по интерпретации художественного текста. М., 2000. 232 с.
122. Номинализация в современном английском языке / Под ред. проф. Н.Н. Раевской. Киев, 1982. 174 с.
123. Падучева Е.В. О роли метонимии в концептуальных структурах // Труды международного семинара «Диалог-99». Таруса, 1999. Т. 1: Теоретические проблемы. С. 215–225.

124. Падучева Е.В. Пространство в облиии времени и наоборот // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 239–254.
125. Переверзев К.А. Высказывание и ситуация // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 24–52.
126. Переверзев К.А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 255–267.
127. Петров В.М., Караулов Ю.Н. Вступ. статья // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 3–11.
128. Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул, 1999. 173 с.
129. Поздеев М.М. Сценарные имена и их нарративные функции // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики: Материалы научной конференции (26–28 марта 1996 г.). М., 1998. С. 41–43.
130. Радзиевская Т.В. Анафорические имена с антецедентом – высказыванием // Известия АН СССР. СЛЯ. Т. 38. 1979. № 2. С. 128–135.
131. Радзиевская Т.В. Функционально-семантические закономерности соединения слов в предложении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 26 с.
132. Раевская О.В. К вопросу об ономазиологических категориях // Филол. науки. 1999. № 1. С. 22–28.
133. Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. 555 с.
134. Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 1999. № 1. С. 25–33.
135. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л., 1989. 165 с.
136. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. 216 с.
137. Романова Г.С. Конструкции с общим значением событийности (на материале испанского, итальянского и французского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 24 с.
138. Руденко Д.И. Имя в парадигме философии языка. Харьков, 1990. 298 с.
139. Руденко Д.И. Категория имени в основных парадигмах «философии языка»: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 65 с.

140. Руденко Д.И., Сватко Ю.И. Философия имени: в поисках новых пространств. Харьков, 1993. 104 с.
141. Руднев В.П. Феноменология события // Русский язык. 1992. № 2. С. 226–238.
142. Руднев В.П. Морфология реальности: Исследование по «философии текста». М., 1996а. 207 с.
143. Руднев В.П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996б. 46 с.
144. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1999. 384 с.
145. Самойленко Н.А. Семантика событийности и способы ее выражения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991. 23 с.
146. Сватко Ю.И. Имя как текст и текст как имя: лингвистические и лингвофилософские основания анализа: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1994. 77 с.
147. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86–157.
148. Семантические типы предикатов. М., 1982. 365 с.
149. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988. 216 с.
150. Серю П. Русский язык и советский политический дискурс: Анализ номинализаций // Квадратура смысла. М., 1999. С. 337–384.
151. Силинский С.В. Речевая вариативность слова. СПб., 1995. 127 с.
152. Смирнова Т.Ю. Роль процессуальных существительных в семантической структуре текста // Функциональный синтаксис и гиперсинтаксис германских языков. Куйбышев, 1983. С. 95–107.
153. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. 360 с.
154. Степанов Ю.С. Предисловие // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серю. М., 1999. С. 1–9.

155. Степанова М.А. Медиа-политический дискурс: профилирование как инструмент интерпретации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2(44). Ч. 2. С. 177–181.

156. Степанова М.А. Как ирония становится идеологией (цитируя В.В. Путина) // Речевая коммуникация в современной России: Материалы III Международной научной конференции (27–30 июня 2013 г.). Омск, 2013. С. 262–267.

157. Степанова М.А. Репрезентация событийной модели в медиаполитическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. XX: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. М.; СПб., 2015. С. 341–344.

158. Степанова М.А. Россия – Украина: новоидеологемы // Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления: Материалы VIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) (25–26 апреля 2014 г., МГИМО). URL: <http://www.risa.ru/ru/sections/25-2011-05-12-09-16-54/sektsii-viii-konventa-rami/152-sektsiya-13-politika-i-politiki-politicheskij-diskurs-kak-ob-ekt-lingvisticheskogo-analiza> (дата обращения 01.02.2018).

159. Степанова М.А. Событийные имена как идеологемы // Новое в когнитивной лингвистике XXI века. Киев, 2013. Вып. 20. С. 131–135.

160. Степанова М.А. Современная Россия: языковые репрезентации актуальных ценностных установок ('МИР, БЕЗОПАСНОСТЬ, ПОРЯДОК' vs. 'КОНФЛИКТЫ, РИСКИ, ХАОС') // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9(55). Ч. 2. С. 200–204.

161. Степанова М.А. Ушла ли «советская угроза»? О трансформации идеологемы «Soviet threat» // Политическая лингвистика. 2011. № 37. С. 172–179.

162. Стернина М.А. К проблеме категориальной полисемии // Синтагматический аспект языковых единиц. Воронеж, 1981. С. 167–172.

163. Стернина М.А. Лексические и грамматические семы при категориальной полисемии // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 104–109.

164. Стиль автора и стиль перевода. Киев, 1988. 84 с.

165. Галми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестн. Моск. ун-та. 1999. Сер. 9. Филология. № 1. С. 88–115; № 4. С. 76–104; № 6. С. 88–121.
166. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. 656 с.
167. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. 229 с.
168. Тихонова В.В. Актуализация темпоральных отношений в событийной ситуации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 19 с.
169. Третьяков Ю.П. Семантика и взаимодействие логико-грамматических типов предложения // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка) / Отв. ред. В.В. Бурлакова. СПб., 1992. С. 5–50.
170. Урысон Я.В. Отглагольные существительные со значением ситуации и наивные энциклопедии // Труды Международного семинара «Диалог-96» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996. С. 271–274.
171. Уэхара Д. О денотативном пространстве русских отглагольных имен (NOMINA ACTI) // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань, 2000. С. 112–115.
172. Филлмор Ч. Дело о падеже // НЗЛ. Вып. X. М., 1981. С. 369–495.
173. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. Вып. XXIII. М., 1988. С. 52–92.
174. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. 208 с.
175. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. 392 с.
176. Части речи. Теория и типология. М., 1990. 267 с.
177. Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975. 432 с.
178. Черемисина М.И. Имена и глаголы в системе лексико-грамматических классов слов // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985. С. 13–25.
179. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. 320 с.
180. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006. 254 с.
181. Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989. 175 с.
182. Шатуновский И.Б. Номинализация предикативных существительных // Предикация и текст. Пермь, 1984. С. 34–41.

183. Шахнарович А.М. Онтогенез мыслеречедеятельности: семантика и текст // Филол. науки. 1998. № 1. С. 56–64.
184. Шейгал Е.И. Дискурс как семиотическое пространство // Язык и культура: Материалы международной научной конференции (г. Москва, 14–17 сентября 2001 г.). М., 2001. С. 80.
185. Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. URL: <http://www.ipu.rssi.ru/publ/epstn.htm> (дата обращения: 15.02.2017).
186. Юрченко В.С. Предложение и слово (проблемы их соотношения) // Филол. науки. 1996. № 2. С. 50–60.
187. Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. 359 с.
188. Якушева И.В. Системные предпосылки варьирования событийных наименований в английских текстах // Сб. научных трудов. М., 1983. Вып. 212. С. 47–60.
189. Якушева И.В. Событие и его репрезентация в лексике английского языка // Новая советская литература по общественным наукам. Языкознание. 1984а. № 3. 27 с. Деп. в ИНИОН РАН.
190. Якушева И.В. Типология и семантико-функциональные характеристики событийных существительных английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984б. 23 с.
191. Якушева И.В. Лингвистическое понимание события // Гуманитарные науки и современность: Ежегод. сб. науч. трудов. Пенза, 1995. С.
192. Alexander D., Rivett A. The Noun Is More Deadly Than the Verb // Consulting to Management C2M. Dec 2000. Vol. 11. Issue 3. P. 42.
193. Anderson J.M. A Notional Theory of Syntactic Categories. Cambridge, 1997. 366 p.
194. Bach E. Algebra of Events // Linguistics and Philosophy. 1986. Vol. 9. № 1. P. 5–16.
195. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. English-Russian Dictionary of Linguistics and Semiotics. М., 1996. Vol. I, II.
196. Beaugrande R. Text, discourse and process. Towards a multi-disciplinary science of text. Florida, 1980. 351 p.
197. Bell A. The Language of News Media. Oxford, 1991. 277 p.
198. Bennet J. Events and Their Names. Indianapolis; Cambridge, 1988. 243 p.

199. Berndt R.S., Haendiges A.N. Grammatical Class in Word and Sentence Production: Evidence from an Aphasic Patient // *Journal of Memory and Language*. Aug 2000. Vol. 43. Issue 2. P. 249.
200. Bierwisch M. Event nominalizations: proposals and problems // *Linguistische Studien* / Ed. W. Motsch. Berlin, 1989. P. 1–73.
201. Brand M. Particulars, Events, and Action // *Action Theory*. Dordrecht, 1976. P. 133–157.
202. Chafe W.L. *Meaning and Structure of Language*. Men, 1970. 360 p.
203. Chafe W.L. *Discourse, Consciousness and Time: the Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago; L., 1994. 327 p.
204. Chomsky N. Remarks on Nominalization // *Readings in English Transformatinal Grammar* / R.A. Jacobs, P.S. Rosenbaum (eds.). Massachusetts, 1970. P. 184–221.
205. Croft W. A Conceptual Framework for Grammatical Categories, or A Taxonomy of Propositional Acts // *Journal of Semantics*. 1990. Vol. 7. P. 245–279.
206. Davidson D. The Individuation of Events // *Essays in Honor of C.G. Hempel*. Dordrecht, 1969. P. 216–234.
207. Davidson D. *Essays on Actions and Events*. Oxford, 1980. 320 p.
208. Denyer N. Names, Verbs and Quantification // *Philosophy*. 1998. Vol. 73. Issue 286. P. 619.
209. Dijk, van T.A. *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. N.Y., 1980. 261 p.
210. Dijk, van T.A. *News as Discourse*. Hillsdale; NJ, 1988. 200 p.
211. Dijk, van T.A., Kintch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. N.Y., 1983. 418 p.
212. Dijk, van T. A. *Discourse, Ideology and Context* // *Folia Linguistica*. Barcelona, 2001. Vol. XXXVI/1–2. P. 11–40.
213. Dijk, van T. A. *Ideology. A Multidisciplinary Introduction*. UOC, Catalunya, 2001. 384 p.
214. Dixon P., Bortolussi M. Text is Not Communication: A Challenge to a Common Assumption // *Discourse Processes*. 2001. Vol. 31. Issue 1. P. 1–25.

215. Dretske F.I. Referring to Events // *Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language* / Minnesota UP. Minneapolis, 1979. P. 90–99.
216. Fauconnier G. *Mental Spaces*. Cambridge, 1994. 190 p.
217. Fauconnier G., Turner M. Blending as a Central process in Grammar // *Conceptual Structure, Discourse and Language* / Ed. by E. Goldberg. Stanford, CA, 1996. P. 113–130.
218. Fauconnier G. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge, 1997. 205 p.
219. Fiske J. *Television Culture*. L., 1987. 353 p.
220. Gerrig R.J., Horton W.S. Of Text and Text Toggles: Categorical Versus Continuous Views of Communication // *Discourse processes*. 2001. Vol. 32. Issue 1. P. 81–87.
221. Gibbs R.W., Jr. Authorial Intentions in Text Understanding // *Discourse processes*. 2001. Vol. 32. Issue 1. P. 73–80.
222. Goldin-Meadow S. Nouns and Verbs in a Self-styled Gesture System: What's in a Name? // *Cognitive Psychology*. 1994. Vol. 27. Issue 3. P. 529.
223. Hacker P.M.S. Events, Ontology and Grammar // *Philosophy*. 1982. Vol. 57. P. 477–486.
224. *Handbook of Discourse Analysis* / Ed. by Dijk T.A., van. L., 1985. Vol. 1–5.
225. Hartley J. *Understanding News*. L., 1982. 203 p.
226. Hartmann F. *Cyber Philosophy*. Passagen-Verlag, Wien, 1996. 174 p.
227. Hopper P.J. Discourse and the Category 'verb' in English // *Language and Communication*. 1997. Vol. 17. Issue 2. P. 93.
228. Horgan T. The Case against Events // *Philosophical Review*. 1978. Vol. 87. № 1. P. 28–47.
229. Horgan T. Action Theory without Actions // *Mind*. 1981. Vol. 90. № 359. P. 406–414.
230. Hudson R. About 37% of Word-tokens Are Nouns // *Language*. 1994. Vol. 70. Issue 2. P. 331.
231. Kersten A.W. A Division between Nouns and Verbs in the Representation of Motion // *Journal of Experimental Psychology / General*, 1998. Vol. 127. Issue 1. P. 34.
232. Kim J. Events and Their Descriptions: Some Considerations // *Essays in Honor of C.G. Hempel*. Dordrecht, 1969. P. 198–215.

233. Kim J. Causation, Nomic Subsumption and the Concept of Event // *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. Issue 2. P. 217–236.
234. Kim J. Causation, Emphasis, and Events // *Perspectives in the Philosophy of Language*. Minnesota UP: Minneapolis, 1979. P. 100–103.
235. Koenig E., Traugott E.C. Divergence and Apparent Convergence in the Development of yet and still // *BLS*. 1982. Vol. 8. P. 170–179.
236. Lakoff G. The Metaphorical Structure of the Human Conceptual System // *Cognitive Science*. 1980. Vol. 4. P. 195–208.
237. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things* / University of Chicago Press. Chicago, 1987. 614 p.
238. Langacker R. *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, 1991. 381 p.
239. Langacker R.W. *Foundations in Cognitive Grammar*. Stanford, 1991. 573 p.
240. Langacker R.W. Viewing in Cognition and Grammar // *Current Issue in Linguistic Theory*. Vol. 102. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 153–212.
241. Langacker R.W. A View from Cognitive Linguistics // *Behavioral and Brain Sciences*. 1999. Vol. 22. Issue 4. P. 625.
242. Lees R.B. *The Grammar of English Nominalization*. The Hague, 1966. 205 p.
243. McQuail D. *Mass Communication Theory. An Introduction*. 3rd Ed. L.; Routledge, 1994. 416 p.
244. Medin D., Waxman S. R. *Conceptual Organization // A Companion to Cognitive Science* / Ed. by W. Bechtel, G. Graham. Oxford, 1998. P. 167–175.
245. Miller G.A., Johnson-Laird Ph. *Language and Perception*. Cambridge; Massachusetts, 1976. 760 p.
246. Mourelatos A. Events, Processes, and States // *Linguistics and Philosophy*. 1978. Vol. 2. № 3. P. 191–212.
247. Nelson K. *Language in Cognitive Development. The Emergence of Mediated Mind*. Cambridge University Press, 1996. 432 p.
248. Nikiforidou K. Nominalizations, Metonymy and Lexicographic practice // *Issues in Cognitive Linguistics* / Ed. by L. De Stadler, C. Eyrych. Berlin, 1999. P. 141–164.

249. Ramsey F. *The Foundations of Mathematics and other Logical Essays*. N.Y., 1950. 292 p.
250. Raskin V. *A Concise History of Linguistic Semantics // Linguistics*. 1978. Vol. 204. P. 82–86.
251. Raskin V., Nirenburg S. *A Metric for Computational Analysis of Meaning toward an Applied Theory of Linguistic Semantics // 11th International Conference on Computational Linguistics, Proceedings of COLING'86 (Bonn, August 25–29) / University of Bonn, Germany, 1986*. P. 338–340.
252. Rosch E.H. *Cognitive representation of semantic categories // Journal of Experimental Psychology*. 1975. Vol. 104. P. 192–233.
253. Russell B. *The Philosophy of Logical Atomism // Russell B. Logic and Knowledge: Essays 1901–1950*. L., 1956. P. 178–281.
254. Schank R., Abelson R. *Scripts, Plans, Goals and Understanding*. N.Y., 1977. 248 p.
255. Sheidlower J. *Noun Me, Baby // Esquire*. 1997. Vol. 127. Issue 3. P. 42.
256. Shepard R.N. *The Role of Transformation in Spatial Cognition // Spatial Cognition: Brain Bases and Development*. Hillsdale, NJ, 1988. P. 81–110.
257. Simon P.M. *Brand on Event Identity // Analysis*. 1981. Vol. 41. Issue 4. P. 195–207.
258. Talmy L. *Path to Realization: A Typology of Event Conflation // Proceedings of the 17th Annual Meeting of the Aukeley Linguistic Society*. 1991. P. 480–519.
259. Talmy L. *The Relation of Grammar to Cognition // Topics in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Rudzka-Osten, 1988*. P. 162–205.
260. Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; N.Y., 1967. 203 p.
261. Verkuyl H., Zwarts J. *Time and Space in Conceptual and Logical Semantics: the Notion of Path*. *Linguistics*, 1992. Vol. 30. P. 483–511.
262. Voorst, van J. *Event Structure*. Amsterdam, 1988. 181 p.
263. Voorst, van J. *A Localist Model for Event Semantic // Journal of Semantics*. 1993. P. 65–111.
264. Wanderer R. *What Is This Thing Called Thing? // ETC: A Review of General Semantics*. 1992. Vol. 49. Issue 1. P. 80.
265. Wilson N.L. *Facts, Events and Their Identity Conditions // Philosophical Studies*. 1974. Vol. 25. Issue 3. P. 303–321.

266. Wright G.H., von. An Essay in Deontic Logic and the General Theory of Action. Helsinki, 1968. 110 p.

Словари и справочники

1. Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998.
2. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 01.02.2018).
3. Hornby A.S. Oxford Student's Dictionary of Current English. М.; Oxford, 1984. 770 p.
4. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Stavropol, 1992.
5. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.02.2018).
6. New Roget's Thesaurus and Webster's Dictionary. Miami, Florida, 1992. 256 p.
7. Oxford Dictionaries. URL: <https://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 01.02.2018).

Источники иллюстративного материала

1. 911 Proof. URL: <http://911proof.com/11.html> (дата обращения: 01.08.2002 – 01.02.2018).
2. BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news> (дата обращения: 01.08.2002 – 01.02.2018).
3. Carlson R. Don't Worry, Make Money. N.Y., 1997. 167 p.
4. Christie A. Why Didn't They Ask Evans? М., 2000. 161 p.
5. CNN Breaking News. URL: <https://edition.cnn.com/> (дата обращения: 01.08.2002 – 01.02.2018).
6. Golding W. Lord of the Flies. М., 1980. 180 p.
7. Coppard A. Tales. М., 2002. 189 p.
8. Doyle A.C. The Lost World. Leningrad, 1974. 198 p.
9. Fowles J. Daniel Martin. L., 1990. 185 p.
10. Fowles J. The Collector. N.Y., 1973. 179 p.
11. Fowles J. The Ebony Tower. Eliduc. The Enigma. М., 1980. 155 p.
12. Fowles J. The Magus. L., 1974. 189 p.
13. Galsworthy J. The Forsyte Saga. М., 1964. P. 1: The Man of Property. 245 p.
14. Grisham J. The Client. Reading, Berkshire, 1994. 210 p.

15. Murdoch I. Bruno's Dream. L., 1977. 234 p.
16. PBS: Public Broadcasting Service. URL: <http://www.pbs.org/> (дата обращения: 01.08.2002 – 01.02.2018).
17. Remarks by the President After Two Planes Crash Into World Trade Center. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010911.html> (дата обращения: 01.02.2018).
18. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. М., 2001. 170 p.
19. Steussy M. Forest of the Night. N.Y., 1987. 158 p.
20. Wellen E. The Opera of the Phantom // Phantoms. N.Y., 1989. 156 p.
21. Williams E.D. The Puzzle of 911: An Investigation Into the Events of September 11, 2001 and Why the Pieces Don't Fit Together. URL: <http://www.lulu.com/shop/eric-d-williams/the-puzzle-of-9-11-an-investigation-into-the-events-of-september-11-2001-and-why-the-pieces-dont-fit-together/paperback/product-2738872.html> (дата обращения: 01.02.2018).
22. Wilson C. The Mind Parasites. М., 2001. 172 p.
23. World Trade Center Demolition – 911 Encyclopedia. URL: http://911encyclopedia.com/wiki/index.php/World_Trade_Center_Demolition (дата обращения: 01.02.2018).

Научное издание

Степанова Марина Александровна

**СОБЫТИЙНЫЕ ИМЕНА:
ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОФИЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА
на материале английского языка**

Монография

Литературный редактор *Н.В. Титова*
Технический редактор *Н.В. Титова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 18.07.2018
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура академическая. Усл. печ. листов 8,6
Тираж 300 экз. Заказ 2002

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*